

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration of a stormy sea. The water is rendered in shades of deep teal, emerald green, and black, with white foam from the waves. In the lower portion, a small, dark wooden boat with several figures inside is being tossed by the waves. The overall mood is mysterious and perilous.

Елена Черкашина

СКАЗКИ СТРАНСТВИЙ

12+

Елена Черкашина

Сказки странствий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56349105

SelfPub; 2020

Аннотация

Вам нравятся философские сказки? А рассказы о любви? Значит, вы на месте. Насладитесь живым словом, фантазией автора, который собирал свои сюжеты в увлекательнейшем странствии по жизни, поволнуйтесь за героев, впрочем, зная заранее, что конец будет прекрасным. Взлетите ввысь, к облакам, вместе с влюбленным Демоном и пройдите по лесным тропинкам рядом с умным волком. Проследите за сложными движениями сердца аристократки Анны и вздохните с облегчением, когда удивительный коршун спасёт своего хозяина от гибели. Но самое главное в том, что каждый рассказ в этой книге подарит вам светлое чувство чистоты и радости.

Первая свирель

Ты хочешь, чтобы музыка согревала тебе сердце? Тогда послушай мою историю.

Она произошла много лет назад, в те далёкие времена, когда не было ни изысканных музыкальных инструментов, ни людей, играющих на них. А были флейты и трубадуры, веселящие людей своими несложными напевами.

Родилась у пожилого крестьянина маленькая дочь. Нежное, радостное создание; ни труда не боялась, ни непогоды, во всём отцу помогала. Но больше всего любила уйти в широкие поля и там, вырезав из ветви тонкую дудочку, наигрывать на ней неприхотливые песенки. Год прошёл, другой. Мелодии становились красивее, звучание свирели – звонче. Выросла девочка и превратилась не то, чтобы в красавицу, – милое личико, курносый носик, – но когда играла на своей флейте, вся преображалась, словно наружу выступала её душа. Люди, когда видели её такой, невольно замирали...

Шли годы, девушка становилась старше. Юноши разглядели её красоту и наперебой начали сватать. Только никому не отдавала своё сердце юная музыкантша. Шутила:

– Вот кто сыграет лучше меня, за того и выйду замуж!
Только где за ней-то угнаться?!

В один из дней мимо деревни, где жил крестьянин, проезжала семья трубадуров. Отец, мать и двое сыновей. Старший

был силачом и развлекал людей тем, что поднимал многопудовые гири. Родители весёлые песни пели, а младшего сына никто и не видел: юноша с утра уходил в поля и возвращался лишь к вечеру.

Как-то раз наша красавица задержалась у ручья. Вдруг слышит – кто-то на флейте играет, да так красиво, как и сама она не умеет! Удивилась девушка, смотрит, незнакомый юноша сидит и звонкие трели выводит. А то вдруг грустную мелодию заиграл – и затрепетало сердце девушки. Слушала она, слушала, а затем подошла ближе и говорит:

– Как хорошо ты играешь! Кто научил тебя?

Юноша головою повёл, повернул лицо, и увидела девушка, что он... слеп.

– Я сам учился, – отвечает.

Больно ей стало, но всё же, пытаясь скрыть сострадание, весело заговорила с ним. И – подружились.

Семья трубадуров стояла у реки долго: повозку чинили, селян развлекали. Каждый день встречались юная девушка и слепой музыкант. И – полюбили друг друга. И не помешало красавице ни то, что он слеп, ни то, что нет у него дома. Одно только мучило: как горю помочь? Как слепоту вылечить?

Раз сидели влюблённые посреди широкого поля, вокруг – ни души, юноша играл на свирели нежную песнь. Вдруг видят – старец идёт, весь в белом. Остановился неподалёку и

слушает. Тогда девушка тоже взяла свою флейту и заиграла весёлый мотив. Улыбнулся старец, в бороду усмехается. А она и спрашивает:

– Что, дедушка, понравились тебе наши песни? Сядь, отдохни, мы тебе ещё поиграем.

Присел старец, а сам о чём-то думает и в небо поглядывает, будто прислушивается. А потом встал, пояс поправил, да и говорит:

– Красиво играете, детки, – вздохнул, помолчал. – Знаю я, как вашему горю помочь, юноше зрение вернуть, да только трудно это. Долгие годы могут пройти.

Встрепенулась девушка:

– Как, дедушка, как?

– Пусть каждый из вас найдёт ту первую свирель, которую сам из ветви вырезал и на которой играть научился. А как найдёте да сыграете вместе на них новую песнь, так и зреет любимый.

– Ну, это просто! – засмеялась она. – Мой отец мою первую дудочку в сундук спрятал и выбрасывать не даёт. Говорит: «пригодится!» А где твоя свирель?

И с этими словами она повернулась к юноше. Но тот сидел грустный.

– А я, – отвечал, – свою первую флейту отдал ручью. Наклонился, пустил по воде и сказал: «пусть найдёт её маленький мальчик, такой же, как я, и играет на ней». Мне было

семь, а теперь – семнадцать...

Побледнела девушка, на траву опустилась и едва не заплакала. Но только старец стоит, не уходит.

– Это не горе, – вдруг говорит. – Свирель твоя первая не утонула, а прибилась к берегу, корни пустила, и вырос из неё прекрасный куст. Найдите тот куст, да и сделайте новую флейту.

– Это невозможно, – прошептал юноша.

– Нет ничего невозможного, – отвечал старец, – только, как я и сказал, на это долгие годы уйдут. Ищите, а она, – на девушку указал, – будет твоими глазами.

И ушёл.

Долго сидела красавица рядом с любимым, всё утешала:

– Не печалься, может быть, это неправда.

«Правда! Правда!» – вдруг пронеслось над полем, словно ветер пролетел. И – тишина...

Поверила девушка и пообещала юноше, что непременно тот куст найдёт, свирель вырежет и сыграет с ним новую песнь. Когда семья трубадуров покидала деревню, в их повозке сидел ещё один человек...

Три года прошло. Исколесили страну вдоль и поперёк музыканты, множество раз прошли по устью того ручья, где

юный музыкант свою свирель в воду опустил, вырезали сотни дудочек из сотни ветвей, но всё так же не видели глаза флейтиста. И постепенно угасла надежда, только память осталась о том дне, когда сказал старик: «и прозреет любимый».

Но однажды... Это было весной, когда всё в мире распускается, когда свежая трава покрывает долины, а в полях звучат звонкие трели пастушков. Семья трубадуров проезжала мимо стада овец, которое пас маленький мальчик. В руке он держал дудочку. Увидела девушка, велела повозку остановить и обратилась к пастушку:

– Сыграй что-нибудь!

Смутился мальчик, но поднял свою дудочку – и полетела по полю радостная весенняя песнь.

– Моя дудочка точно так же звучала! – вдруг поднял голову слепой юноша. – Спроси у него, где он вырезал эту свирель.

– У того ручья, – показал в сторону мальчик.

Улыбнулась девушка, сошла с повозки и подала пастушку свою флейту:

– Давай поменяемся!

– Но она такая хорошая... – растерялся мальчик.

– Бери, бери, тебе учиться нужно, а я другую куплю.

И – поменялись.

– Возьми, – обратилась девушка к любимому, едва отъехали дальше, – на память о родных местах.

Тот взял и начал играть. Ласково, нежно запела дудочка: в руках искусного музыканта даже такой невзрачный инструмент звучал, как изысканная флейта. А девушка, уже ничему не веря, достала из сумочки свою первую свирель и поднесла к губам. И вдруг – заплакал юноша, слёзы градом покатались из-под закрытых ресниц. Играет – и плачет. Закончил, дудочку на колени положил и повернулся к любимой. Открылись глаза, взор – ясный, чистый, озирается, будто видит что-то. Потом остановил взгляд на её лице и прошептал:

– Какая ты красивая!..

Ещё несколько лет бродила по свету чета музыкантов, удивляя королей, радуя слух простых горожан и селян. А затем вернулись в родные края и остались жить в тех местах, где встретились и полюбили друг друга. И раз в год непременно брали в руки свои первые свирели, чтобы сыграть на них новую песнь...

Змея

В пустыне на песке лежала змея. Она была крупная и холодная, её тело поблескивало в печальных лучах заходящего солнца, а крохотные глазки неподвижно смотрели вдаль. Змея грелась. Песок ещё сохранял дневное тепло, он струился и рассказывал змее о том, что происходит вокруг. Где-то далеко, за много миль отсюда, шумели воды оазиса. Ей нравился этот звук: он был сродни пению ветра в вечерней

дали. С севера, едва слышная, незримо приближалась буря, и лёгкие завихрения воздуха говорили, что она пройдёт стороной. С той стороны, где садилось солнце, доносилась осторожная поступь льва: он охотился. Как ни мягко ступал большой зверь, змея своим чутким телом слышала и его шаги, и то, как он припадал к земле, и как втягивал носом воздух, пытаясь по запаху определить близость добычи. Песок рассказывал многое...

А это что за звук? Неритмичный, чуждый пустыне. Человек! – догадалась змея. Путник, неосторожно забредший в самое сердце барханов. Он измучен, ноги его заплетаются, он часто падает и лежит, собирая силы, чтобы сделать ещё один шаг. В его дыхании слышен свистящий отзвук смерти: пустыня с её жестоким ночным ветром и колючим холодом уже вынесла ему приговор. Змея прислушалась: человек упал и больше не вставал. Песок долго молчал. Тогда она подняла голову и поползла...

Это оказалось недалеко. Смертельно уставший, путник лежал на песке. Глаза закрыты, лицо повернуто к небу: там зажигались первые крупные звёзды. Змея изогнулась, неслышно вползла на грудь человека и блаженно, сладостно замерла: так ей было теплее. Лёгкий ветер кружил ночь. В груди человека едва слышно билось сердце. Всё спало.

Глубокой ночью душа измождённого путника попыталась освободиться от тела, но ей что-то мешало, какое-то необъяснимое препятствие. Всё же она собрала силы и – взлетела!

Она мчалась стремительно, ликуя, наслаждаясь свободой, и поднималась выше и выше. Но вдруг – будто стена преградила ей путь, полёт замедлился, и душа закружилась на месте. Блеснуло трепетное золото волос, росчерк крыла, и чистый голос произнёс:

– Остановись.

– Я пришла! – сказала она просто.

– Ты должна вернуться.

– Но почему? Мой час настал, человек умер, и тело его остывает в пустыне.

– Умирая, человек придавил своим телом змею. Она может погибнуть. Вернись и дай змее свободу.

– Змея? Простая змея?! – изумилась душа. – Но их сотни ползают по пустыне! Я же – душа человека, и так стремилась сюда!

– Жизнь каждого существа священна... – был тихий ответ.

Глубоко понурившись, душа проделала обратный путь и оживила тело. Человек полежал, потом вздрогнул и проснулся. Над его головой медленно всходило солнце. Он отдохнул и хотел продолжить путь. Но тут, холодея от ужаса, почувствовал на себе змею. Однако человек был жителем пустыни и знал, как следует поступать со змеями. Осторожно, бережно он разжал её тесное кольцо и опустил на землю. Ночью змея охлаждается и становится неподвижной, а тёплые солнечные лучи оживят её. Так подумал человек, уходя.

Прошло немного времени, и змея согрелась. Она долго лежала на песке, не шевелясь и прислушиваясь к удаляющимся шагам человека, потом приподняла маленькую голову и поползла.

Зеркало

Женщина на реке стирала бельё. Большими распухшими руками она погружала в воду холщовые простыни, тщательно выполаскивала и, сжимая губы от натуги, выжимала. Рядом трудилась дочь: собирала бельё в корзину и относила домой. Река хмуро несла свои воды, холодный ветер дул в спину. Женщина остановилась передохнуть, а когда снова склонилась, то была вынуждена отпрянуть: прямо из воды, подёрнутой рябью, на неё смотрело прекрасное молодое лицо неизвестной царицы – высокие брови, слегка подведённые глаза, на голове – богатый убор...

Охнула селянка, вскочила. Что есть мочи бросилась прочь, а потом долго не могла успокоиться: так и стоял перед глазами пристальный взгляд далёкой царицы. А на сердце почему-то стало очень тяжело...

Смело, величественно, подняв голову, шла повелительница по дворцу, а за нею вприпрыжку, едва успевая, бежал седовласый старец.

– Не делайте этого, моя госпожа! – умолял он. – Озеро

невелико, но оно даёт жизнь всем племенам в округе. Там живут люди со своими стадами, и кто знает, как сложится их жизнь...

– Довольно! Прекрати! – прервала слугу Анемин, резко останавливаясь. – Мне надоели твои разговоры!

Старец склонился в почтении и мягко сказал:

– Тогда ответьте посланцу «нет».

Царица взмахнула рукой:

– Не сейчас. Я подумаю.

– Моя госпожа, – тихо, но настойчиво продолжал старец, – ваш отец поставил меня вас наставлять. Не упрекнуть хочу вас вашей молодостью, но предупредить: именно молодости свойственны недальновидные поступки.

– Что случится, если я продам это озеро? – нетерпеливо перебила Анемин. – Тебе ли не знать, сколько неприятностей оно нам доставляет?

И тут же нахмурилась. Горное озеро на границе её владений приносило немало хлопот. Вода в этих засушливых местах – главная ценность, а потому неудивительно, что племенам, живущим вокруг, всё время не хватало места. Мелкие дразги, споры, конфликты. И когда, наконец, появилась возможность продать его, царица обрадовалась. Но этот старик...

– Вы смотрите лишь на нынешний день, – тем временем говорил советник, – но мои годы...

– Твои годы дерзят мне, – откликнулась Анемин, – и уже

не впервые.

– Им нечего терять, а потому они говорят правду, – тихо молвил старец.

– Хорошо. И в чём твоя правда? – царица отошла к окну и присела. – Говори. Может быть, то, что я услышу, избавит меня от беспокойства, которое это никчёмное озеро приносит мне день за днём.

– Ваш отец... – начал наставник.

– Мой отец! Оставьте моего отца! Он давно почивает в земле.

– Ваш отец был мудрым человеком и учил нас смотреть далеко вперёд.

– И насколько вперёд простиралась мудрость моего отца?

– На сотни лет!

– Ах, как скучно...

– Моя госпожа! Расскажу вам то, что я вижу. Озеро приносит вам беспокойство, это верно, но там живут люди. И пока у них есть вода, они благоденствуют. Но стоит продать это озеро, как новый хозяин изгонит все племена, и лишь его собственные стада станут пить воду.

– Разумеется, – пожала плечами Анемин.

– Подумайте, как этот поступок отразится на вас!

Царица подняла взгляд, спокойный, безмятежный:

– И как?

– Вы принесёте горе сотням людей! Они разорятся, останутся без дома и крова.

– И что же?!

– Прекрасная Анемин! Небеса не простят вам такого. Сегодня ваш род богат и знатен, но если вашими руками совершится беззаконие, то кто знает, где окажутся ваши потомки через сто или двести лет? Не будут ли они бедствовать или окажутся уведёнными в рабство в далёкие северные земли?

«Какое мне дело до тех, кто будет жить после меня?» – подумала царица. Но в душе дрогнуло, встрепенулось: ответственность была не чужда ей. И старик прав: небеса не прощают беззакония.

– Ах, это озеро, – она встала. – Дай мне подумать.

– Но вы согласны?

– Двести лет – слишком долгий срок, чтобы небеса помнили такую малость, – бросила, уходя.

– Кто знает, кто знает... – негромко ответил старец.

...Вечер пришёл с прохладой и тем утомлением, которое хочется сбросить, погрузившись в сладкую дрему. Анемин прилегла, но не уснула: что-то мешало ей. «Озеро!» – поняла. Она так и не ответила: да или нет. И вдруг рассердилась: и на себя, и на отца. «Нашёл мудреца! Мой род богат и прекрасен, и так будет всегда!»

В тот же миг велела служанке призвать посланца и поставила чёткую подпись в конце длинного свитка. «Вот и всё», – облегчённо вздохнула. Прошлась по покоям, остановилась у зеркала. С глади отполированной бронзы на неё глянуло свежее молодое лицо. «Наших сокровищ хватит и детям, и

внукам, а имя Анемин будет греметь сотни лет!»

Но вдруг... Подёрнулось рябью мутное отражение, и откуда-то из глубины, словно из дальних веков, показалась картина: женщина на реке стирает бельё.

Слуга царя

Тринадцать молодых воинов стояли перед царём, блистая красотой могучих тел, и не было в них ни одного недостатка. Обученные в бою, закалённые трудностями дальних походов, они служили опорой и украшением свиты, но втайне каждый из них мечтал стать личным слугою царя.

Медленно шёл повелитель вдоль длинного ряда, и спокойное лицо его не выражало ни радости, ни разочарования. Дойдя до последнего воина, он хотел развернуться, но что-то заставило его остановиться и пристально взглянуть в юношу.

Казалось, ничего примечательного нет в том. Гораздо меньше ростом, даже хрупкий, он мог привлечь внимание разве что тонким, умным лицом и глубокими глазами. С неподобающей его возрасту мудростью глядел он прямо в лицо царя, не отводя взгляда. Повелитель улыбнулся, отметил что-то про себя и продолжил испытание. Всем воинам завязали глаза. Неслышно приближаясь сзади, царь наносил каждому несильный, но внезапный удар по плечу. Одни бойцы напрягались, однако молча сносили боль, другие слегка вскрикивали от неожиданности, но более всех удивил царя

последний в ряду. Не успел повелитель поднять руку, как тот обернулся и молниеносным движением перехватил кисть царя.

И тут же сорвал маску.

– Как ты узнал? – изумился царь.

– Почувствовал, – склонил голову юноша.

Несколько мгновений повелитель пристально изучал его лицо:

– Ты и будешь моим слугою!

В дерзких боях, в нелёгких походах быстро окрепла дружба царя и его молодого слуги. Отличный телохранитель, отважный боец, юноша, как быстро понял властитель, оказался наделён качеством предчувствовать, предугадывать опасность. Необычайный дар подсказывал ему, где следует ожидать следующую ловушку судьбы, и, как говорил сам повелитель, «он умел схватить стрелу прежде, чем та была выпущена».

...Однажды после особенно тяжёлого перехода царь уснул, уединившись в шатре. Несколько воинов несли охрану, оберегая покой владыки. Внезапно, среди глубокой ночи, в шатёр быстрым шагом вошёл телохранитель, держа в руке горящий факел, и разбудил своего господина.

– Что ты делаешь тут? – спросил рассерженный царь.

– Повелитель, тебе угрожает опасность, – ответил тот.

– Какая опасность?

– Не знаю... Но прошу тебя на время покинуть шатёр.

Царь завернулся в плащ и вышел. Миновало несколько томительных минут, как вдруг раздался вскрик, и, вбежав, все увидели: слуга поднимает на кинжал большую чёрную змею...

В глубочайшем каменном колодце, построенном много столетий назад, царь и несколько приближённых воинов искали убежища после жаркого боя, обернувшегося для них поражением. Долго блуждали они в запутанном лабиринте, ища выход наружу, и, наконец, все собрались в замкнутом пространстве небольшой комнаты. Едва последний воин переступил порог, задвижка с грохотом захлопнулась, и люди оказались в ловушке. Факелы быстро погасли: плотно пригнанные камни не позволяли воздуху проникнуть внутрь. Прошло несколько гнетущих минут, и все почувствовали, что стало труднее дышать. Воины растерялись. Одно дело – честная битва с врагом, лицом к лицу, и совсем другое – оказаться в темноте наедине с мучительной смертью от удушья.

– Мой господин, – услышал царь рядом с собой голос верного слуги. – На земле нет останков. Это значит, что должен быть выход.

– Ты прав, – отозвался владыка, пытаясь подавить волнение, – нужно найти механизм, – это может быть задвижка, рычаг или что-то другое.

В течение некоторого времени пленённые ощу-пывали стены камеры, пытаясь найти устройство, которое приведёт колесо в действие и откроет ход. Медленно, мучительно тек-

ли минуты, но дверь оставалась неподвижной, а воздуха становилось всё меньше. Казалось, гибель неминуема. И тогда раздался повелительный голос слуги:

– Сядьте все. Не двигайтесь. Теперь ищу только я.

И он медленно пошёл вдоль каменной стены. Воины опустились на землю. Сейчас интуиция телохранителя была последней надеждой им всем. В напряжённой тишине слышалось приглушённое дыхание бойцов и осторожные шаги юноши. Царь тоже сидел, не двигаясь. Отчаяние овладело им. Что можно найти в этой темноте, в узкой камере, стены которой сотни раз ощупаны руками бойцов? Но его слуга не останавливался. И вдруг ясно понял, догадался царь, что ищет он не руками, а сердцем...

Остро скрипнуло лезвие кинжала, ловко легло в углубление щели – и заскрежетал, двинулся с места невидимый механизм, поднимая задвижку и освобождая выход...

Когда они оказались на воле, царь горячо обнял юношу и поклялся, что никогда не отпустит его от себя.

Миновали месяцы. Возмужал, закалился в боях телохранитель царя, и теперь уж и он стал мощным воином. По правую руку владыки стоял он на пирах и в тронном зале.

...В завоёванном городе шла первая шумная трапеза. Ещё не остыла кровь убитых, а вельможи покорённой страны несли новому правителю свои дары. Далеко за полночь затянулся роскошный пир.

Красивая, полная жизни танцовщица выбежала на сере-

дину зала и тут же завладела всеобщим вниманием. Девушка была прекрасна. Движения её, похожие на любовную игру нежной серны, привлекли взоры всех пирующих, и загорелось сердце царя. Он склонился к вельможе и шепнул ему что-то. Но никто не увидел, как напрягся и блеснул тревогой взгляд верного слуги.

Как только закончился пир и все стали расходиться, воин склонился перед царем:

– Повелитель, я знаю, что танцовщица понравилась тебе и ты пригласил её на своё ложе. Но сердце моё тревожится, и, хотя я не знаю, какая опасность угрожает тебе, прошу: не приближайся к этой женщине!

Гневно глянул царь на юношу, и помутнел его взор:

– Ты, дерзкий! Ты просто ревнуешь! Ты сам хочешь эту девушку! Прочь с моих глаз!

Но слуга, не страшась гнева владыки, остался у его ног и продолжал умолять:

– Поверь мне, мой господин! Вспомни, сколько раз мне приходилось оберегать тебя! Я знаю, что нечто ужасное и неотвратимое угрожает тебе в объятиях юной танцовщицы. Не допускай её к себе!

Громче небесного грома прозвучал смех царя:

– Уж не думаешь ли ты, что я убоюсь женщины! Что может она сделать мне? Угрожать кинжалом? Или отравить поцелуем?

И, опьянённый вином и желанием, царь приказал увести

юношу и запереть до утра.

А тем временем в отдельной комнате готовят к ложу, одевают и украшают прелестную наложницу. Мерцает пламя свечей и лампад. Нежное тело блестит и сверкает тысячью отражений в зеркалах. Восхищённые взгляды служанок веселят сердце девушки. Вот, набросив роскошное покрывало, она во главе небольшой процессии идёт по узкому коридору, замирая от острого волнения. Навстречу ведут арестованного юношу, его взгляд падает на рабыню, но вместо восторга она видит ненависть. И вдруг он резким движением выхватывает кинжал из ножен идущего рядом бойца и одним сильным, безжалостным ударом наносит ей смертельную рану. На расшитой золотом ткани медленно расплывается непоправимое пятно. Девушка оседает на пол, и в глазах её навечно застывает недоумение: за что?!

Тот же вопрос произнёс сквозь зубы взбешённый царь, когда слугу вновь привели к нему с руками, обагрёнными кровью. Но тот молчал, и лишь спокойное выражение лица говорило о том, что он доверяет себе.

– Ты – негодный раб! – сдерживая ярость, произнёс повелитель. – Ты возомнил, что можешь послушаться меня?! Казнить – немедленно!

Царь ещё оставался в тронном зале, когда к нему поспешно впустили врача. Он только что осмотрел умершую девушку и теперь хотел что-то срочно рассказать владыке.

– Что ты хочешь сказать мне, кроме того, что она умер-

ла? – тяжело, с иронией спросил царь.

Врач поклонился:

– Мой повелитель, я осмотрел тело наложницы при ярком свете лампад, надеясь, что мне удастся спасти её, но то, что я увидел, было ужаснее смерти. На тонкой коже в местах, скрытых от глаза, я различил признаки начинающейся проказы. Пятна столь малозаметны, что, видимо, даже сама девушка не знала, что больна. Поэтому для неё лучше, что она умерла внезапной смертью. И ты тоже, мой господин, ты тоже – спасён! Трудно представить, что было бы, если...

Он не договорил. Стон, похожий на крик живот-ного, прорезал пространство:

– Вернуть его! Быстрее!

Как ветер, бросились слуги к выходу. Царь застыл в ожидании. Он сжал голову руками и молил судьбу лишь об одном: чтобы юношу не успели казнить. Наконец, послышались шаги, и, подняв голову, повелитель приготовился встретить посланца со страшным ответом. Но в полутьме коридора ничего не было видно. По лицу царя потекли струйки пота. Казалось, не слуге, а ему самому вынесли смертный приговор. Тогда он встал и двинулся навстречу... Мгновение – и вот уже в мощном объятии повелитель прижимает кого-то к груди, горячо благодарит. Все расступаются и видят бледное лицо телохранителя. Он улыбается царю и друзьям:

– Я знал, что всё будет хорошо. Но на этот раз немного испугался.

На следующий день, когда победитель совершал марш по завоёванному городу, все видели: по правую руку царя на прекрасном коне ехал юноша с мужественным и умным лицом. И каждый раз, когда взгляд царя падал на воина, глаза его теплели.

Жук

Дождь кончился. Было тепло, воздух очистился, и я вышел на прогулку. Больному сердцу это – бальзам: подышать, походить по аллеям парка. Я неторопливо продвигался между луж, когда заметил жука. Бедняга лежал, задрал лапки, и беспомощно шевелил ими: вода залила асфальт и не давала ему подняться. Осторожно взяв жука двумя пальцами, я отнёс его в траву. «Беги, дурачок, тебя здесь задавят», – и продолжил путь. Сердце побаливало, дышалось тяжело: мои пятьдесят восемь давали о себе знать. Ничего, не стоит хандрить в такой хороший день!

Во дворце царила суматоха. Приём начался, гости всё прибывали и прибывали. Король сидел на троне, милостиво кивая большой головой. Увидев Принца, он подозвал его.

– Как вы добрались, мой друг? – приветливо спросил Король. – Дорога была утомительной?

– Благодарю, Ваше Величество, – ответил Принц, скло-

нившись в учтливом поклоне. – Дорога оказалась недлинной, но в самом конце пути начался сильный дождь и едва не погубил меня. К счастью, какой-то человек помог мне: он поднял меня за панцирь и аккуратно пересадил в траву неподалёку от Вашего дворца.

– Человек? – удивился Король. – Довольно странно. Обычно люди топчут нас ногами, – он немного подумал. – Нужно отблагодарить его за ваше спасение.

– Да, Ваше Величество, Вы правы.

– Если не возражаете, я сделаю это сам. Вы помните его?

– Думаю, он ещё гуляет по дорожкам парка, – ответил

Принц.

Король подозвал слугу и отдал ему несколько распоряжений. Слуга тотчас же удалился.

– Развлекайтесь, мой друг, – улыбнулся Король Принцу, – надеюсь, приём вам понравится.

Командировка заняла целую неделю: больше, чем я ожидал. Эти бесконечные семинары! Войдя в дом, первым делом распахнул окно, чтобы впустить свежий воздух. И тут же обратил внимание, что в горшке, стоявшем за окном, появилось новое растение. Этот горшок со старой землёй давно пустовал, и мне всё было недосуг засадить его чем-то. Наверное, ветер принёс семя, дождь полил его, вот и вырос но-

вый гость. Ну что ж, добро пожаловать! Лучше, чем ничего. Вымывшись с дороги, начал готовить чай. Сердце давно не позволяло мне пить чёрные чаи, поэтому я «мастерил» фруктовые, травяные – всё время что-то новое. Импровизировать я любил. Растение в горшке не давало мне покоя. Я понюхал его, помял нежные листья. Похоже на имбирь: пряный, ласковый аромат. Но имбирь ли? Оторвал маленький листок, пожевал. Вкусно! «То, что ядовито, вкусным не бывает», – подумал я и сунул листок в чай вместе с другими травами. Аромат получился изысканным. Пока смотрел вечерние программы, выпил не меньше трёх чашек, каждый раз добавляя немного от нового гостя. И – остановился: он такой крохотный, пусть подрастёт!

Спалось мне в ту ночь чудесно. Сердце не щемило, не болело, а сны кружили и кружили в своём невесомом танце. Проснулся отдохнувшим, радостным, и – удивился: такого не случалось многие годы...

На работе встретила секретарь с кипой накопившихся бумаг:

– Илья Петрович, вам кофе, как всегда, без кофеина?

– Как всегда, без кофеина.

Я прошёл в кабинет, включил компьютер. Эта адская машина, которую я обычно ненавидел к концу дня, испортила мне зрение, но что делать, без неё – никуда.

К счастью, этот день закончился неплохо. Я как будто от-

дохнул в командировке и сделал больше, чем планировал. «Иногда полезно уезжать на неделю», – думал вечером, покидая кабинет. В коридоре стоял запах кофе. Несбыточное удовольствие!

Домой шёл пешком. Пройдя несколько кварталов, устал и сдался: взял такси.

Наутро обратил внимание: гость подрос. Ну и скорость! Он выпустил несколько новых листков взамен тех, которые я ободрал, и очень похорошел. Цвет растения меня удивил: зелено-красный, с тонкими пурпуровыми прожилками, – будто кровь по венам! Я не спеша выпил чаю, опять добавив листок-два, и тихонько двинулся на работу. Для сердечника прогулка пешком – необходимость. Но пройти от дома до работы не всегда удавалось. Сегодня удалось. Когда я вошёл в секретариат, весёлый, оживлённый, даже почти не уставший, Ирина приветствовала меня:

– Илья Петрович! Вы сегодня хорошо выглядите!

– И хорошо себя чувствую.

– Кофе?

– Как всегда, – а потом, обернувшись, попросил: – Ирочка, и добавьте немного нормального кофе, совсем немного, с пол-ложечки.

Спустя неделю сотрудники начали замечать, что со мной что-то происходит. Не «неладное», наоборот, «ладное»! Я изменился! Повеселел, посвежел, легко справлялся с боль-

шим объёмом работы. Компьютер теперь не сводил меня с ума, глаза не резало и не жгло, как раньше в конце дня, а когда попробовал снять очки, то вдруг понял, что без очков я вижу лучше!

Дома с изумлением рассматривал себя в зеркало. Волосы начали темнеть. Кожа – разглаживаться. А привычные отёки под глазами куда-то исчезли. Я помолодел!

Мысль заработала лихорадочно. Так, что изменилось? Что я принимал, ел, пил? Новые лекарства? Нет, лекарства были те же, что и месяц, и год назад. Ничего нового, никаких изменений в свою жизнь я не вносил. Тогда что же?

Я думал об этом весь вечер, пока не начал готовить чай. Рука привычно потянулась к кустику за окном. Стоп! Вот оно, то новое, что пришло в мою жизнь примерно неделю назад. Этот ароматный чай! Что же это за растение? – недоумевал, разглядывая листья. И опять заварил напиток.

Сидя за работой, – пришлось взять на дом, – я смаковал каждый глоток. Не может быть, думал, чтобы такой эффект вызвал простой чай. Я не хотел обнародовать открытие, бежать в какую-либо лабораторию за анализом, ведь, в конце концов, могло случиться так, что это растение окажется простым сорняком, занесённым ветром с полей. Но тогда что изменило меня?!

Этот вопрос остался открытым и наутро, когда, расчёсываясь и бреясь, я опять отмечал странное, невероятно быст-

рое омоложение кожи. Переодеваясь, заметил, что похудел. То, чего не удавалось достичь с помощью диет лет десять: лишние килограммы прилипли так прочно, что я свыкся с ними. Теперь же весь мой организм стремился к стройности, прочности, а я не мог понять, почему. Чай? Да не может быть! Тогда – что?!

Весь день таинственный куст не давал мне покоя. Я влез в интернет и перебрал сотни похожих растений. Нет, то форма не совпадала, то цвет, а то – регион. Цветок из пустыни не мог вырасти в северных краях...

Через неделю был обычный, запланированный ранее визит к врачу. Я шёл с бьющимся сердцем, трепетно ждал в приёмной: что скажет, заметит ли?

Врач оказался занят, принял меня с опозданием и очень торопился.

– Как чувствуете себя, Илья Петрович?

– Хорошо, очень хорошо. Лучше, чем обычно.

– Лекарства принимаете?

Я не пил лекарства уже дня три-четыре.

– Последние дни – нет, – признался честно.

– Почему? Что случилось?

– Да вы послушайте моё сердце! Бьётся, как часы!

Врач внимательно выслушал сердце.

– Улучшение есть, – сказал осторожно. – Но всё же не рискуйте, принимайте лекарства. Небольшое улучшение ещё

ни о чём не говорит.

Я оделся, застегнул купленные вчера новые брюки. О том, что похудел на восемь килограммов, рассказывать не стал. На улице вздохнул полной грудью. Как хорошо быть молодым! Или даже слегка помолодевшим!

– Вы сделали так, как я сказал? – спросил Король у слуги, направляясь в костюмерную.

– Да. Я посадил растение в горшок у него за окном.

– Оно проросло?

– Да, Ваше Величество, оно проросло и превратилось в прекрасный куст.

– Он что-либо заметил?

– Трудно сказать. Но я каждый день вижу сорванные листочки, это значит, он употребляет растение или в еду, или в чай.

– Замечательно, – Король ненадолго задумался. – Процесс продлится ещё полгода, пока растение не отцветёт. За это время он станет совсем молодым. Пусть радуется. Хороший человек должен жить долго.

Чёрный Принц

Богатства и земли, слава бесстрашного воина и мудрого правителя, дворцы, города и фонтаны – всё было у Черного Принца; прелестные жены и сильные рабы, присланные ему в

подарок из других земель; верные друзья, готовые следовать за ним по первому зову, и наставники, к советам которых он прислушивался, воспитывая своё сердце. Но не светилось радостью его лицо, будто недоставало ему чего-то очень важного, может быть, главного...

Поздним вечером бродил Принц среди прекрасных деревьев в глубине дворцовых покоев и, склонив голову, размышлял. Давний сон, виденный много лет назад, вспомнился ему именно сегодня. Сон был тихим и грустным. Удивительная, нежная белокожая женщина с волосами, сплетёнными из солнечных лучей, в тоске протягивала к нему руки и молила о помощи. Он бросался к ней – и неожиданно сам оказывался спасённым от чего-то страшного, грозного и неотвратимого. В конце сна всё его существо пронизывало такое глубокое ощущение счастья, какого он не испытывал за всю жизнь. Что это было? Принц не знал, но, понимая значение некоторых снов, догадывался, что здесь кроется особый смысл.

Белая женщина, – он не видел их иначе, как на диковинных картинах, привезённых издалека путешествующими купцами. Женщины их земель были черны, как спелые сливы, и глаза их горели огненными факелами. Те же, на картинах, смотрели мягко и скромно, и взгляды их отливали голубизной. Ни одеждой, ни осанкой, ни хрупкостью форм они ничуть не походили на жительниц пустыни, к которым привык Чёрный Принц.

Может быть, в этом и заключалась загадка сна: белая женщина была нечто необычайное в этих знойных землях среди раскалённых песков? И сон Чёрного Принца – это всего лишь отголосок его любопытства? Но нет, чувствовал он, тут есть то, что спрятано глубже, но никак, никак не разгадать ему эту тайну...

Шелестящий ветер, спустившись с небес, шепнул несколько слов, но Принц, утомлённый, уже направлялся спать и не расслышал подсказки.

Она пришла на следующий день в виде удивительной новости, потрясшей весь город и всех обитателей дворца. Караван, пришедший ночью из пустыни, привёз... белую пленницу! Перебивая друг друга, жители рассказывали, как она хороша, как нежен её голос, и что волосы её текут светлыми струями. Но только очень, очень больна и измождена после долгого перехода, и, верно, умрёт, если только кто-нибудь не купит её и не обеспечит ей хороший уход. Но кому же нужна больная рабыня?!

В прохладные покои Чёрного Принца необычайную весть принёс старый лекарь, лучший друг и советник повелителя. Он рассказал о слухах, будоражащих город, а затем крепко задумался. «Люди с севера, – поделился он опасениями, – могут принести в нашу землю неизвестные болезни, и мы не будем знать средства от них. Белая женщина в наших краях – это очень, очень серьёзно».

Чёрный Принц взглянул на друга мягко, с улыбкой, а за-

тем произнёс: «Ну что же, значит, лучшее средство оградить жителей от угрозы – купить эту рабыню и поселить её отдельно от всех. В дальних покоях моего дворца, например! А ты получишь возможность изучить новое заболевание». И он приказал немедленно разыскать женщину, заплатить за неё любую цену и с величайшей бережностью доставить во дворец.

Не успело солнце раскалить верхушки храмовых башен, как слуги доложили, что белая женщина привезена, удобно устроена и что лекарь нанёс ей свой первый визит. «Она очень слаба и истощена, – рассказывал врач вечером, – но признаков болезни нет, а поэтому я прописал ей ванны и хороший уход. Надеюсь, она скоро поправится».

Лекарь ушёл, а Чёрный Принц глубоко задумался.

Много жён было у него, и всех он любил, но ни одна не была ему другом. Интересы женщин просты: развлечения, украшения и одежда. А потому, приходя в свой гарем, он не искал мудрости, а когда нуждался в совете, то прибегал к помощи мужчин. Но пленница с севера могла оказаться совершенно иной. По рассказам путешествующих купцов, народы тех стран обладали высокой культурой. И кем была эта новая гостья, – простой горожанкой или титулованной особой? Но самое главное – что за сокровища скрывает её душа? Ответ на эти вопросы Чёрный Принц мог найти не иначе, как поговорив с гостьей, заслужив её доверие и дружбу. Но доверие – хрупкая вещь, да и дружба не возникает просто так...

Он представлял их первую встречу – и приходил к мысли, что пленница, измученная долгой дорогой, плохим обращением и напуганная жестокостью рабовладельца-хозяина, не станет открывать своего сердца важному повелителю, купившему её у торговцев. Она или замкнётся, испытывая чувство неприязни, или возненавидит его. Как же быть?!

Пришёл советник, старый, мудрый советник, служивший ещё у отца Принца, выслушал, покачал головой, согласился. А потом сказал: «Если ты хочешь заслужить доверие и дружбу, предстань перед ней равным ей». И, дополняя друг друга, они вместе придумали замечательный план, осуществить который предполагали тогда, когда белая гостья окончательно окрепнет.

Прошёл месяц. Ежедневно лекарь сообщал Принцу, что женщина поправляется, белеет и хорошеет с каждым днем. Благодатный климат оазиса расцвел её щёки румянцем, а ванны и искусный уход помогли окрепнуть.

«Её волосы сверкают, как луна, а смех и голос похожи на звучание льющейся воды. Она свежа и прекрасна, но не в этом её прелесть, а в том, что она кротка, как юная серна, глаза излучают теплоту, и ко всем она добра: и к нему, старому лекарю, и к нянькам, и к слугам. С самого утра звенит её нежный говор, она всегда весела, а в покоях царит неизбежный порядок и мир».

Пристально вслушивался в слова друга Чёрный Принц. Как не похоже было всё это на взбалмошное царство его

крикливых и невыдержанных жён! Навещая их, он часто становился свидетелем грубых, безобразных сцен, и вместо желанного отдыха и успокоения был вынужден улаживать грозные конфликты, грозящие перейти в войну. «Знает ли она наш язык?» – спросил Принц лекаря. И получил удивительный ответ: «За те месяцы, что женщина провела в пустыне, она сумела не только овладеть нашим наречием, но и несколько раз просила научить её читать». – «И что же ты ответил?» – улыбнулся повелитель. «Обещал найти ей учителя», – нашёлся лекарь, кланяясь и прося прощения за возможную ошибку.

Оставшись один, Принц долго размышлял и, наконец, пришёл к мысли, что настала пора действовать.

На следующий день, едва лишь солнце поднялось над пустыней и разбудило горожан, он оделся в простую одежду странника и, опираясь на посох, приблизился к воротам внутреннего дворца. Высокая стена отделяла его собственные покои от уединенного уголка той, с кем он мечтал познакомиться. Там царило безмолвие. Воин, стоящий на посту, узнал повелителя, и Чёрный Принц беспрепятственно проник в огромный прекрасный парк, где по ночам бродили прирученные животные, завезённые из дальних стран, а днём гуляла гостья. Чудесный фонтан с великолепной чистой и свежей водой разбрызгивал сотни мельчайших искр, сверкая на солнце всеми оттенками радуги. Принц устроился среди высокой травы и приготовился ждать.

Как маленькая ранняя пташка, юная женщина вышла из спален с первыми лучами. Она прошлась по дорожкам, наслаждаясь очарованием этого удивительного уголка, и вдруг увидела дервиша, уснувшего в траве. Легонько склонившись, она тронула его за плечо:

– Милый брат, что ты делаешь здесь? Разве ты не знаешь, что сюда нельзя входить мужчинам? Стражники, увидев тебя, могут очень рассердиться! – в её голосе звучала теплота и неподдельная забота.

Чёрный Принц глубже натянул на лицо капюшон и, сделав вид, что только что проснулся, ответил скрипучим, слегка изменённым голосом:

– О, госпожа, я – бедный странник и так стар, что даже увидев меня, слуги не станут бить палками: мой возраст зрелости давно миновал.

Говоря так, он успел краем глаза взглянуть в лицо женщины, и был поражён не столько его красотой, сколько удивительным выражением мягкости и кротости, освещающим его с восхитительной силой.

– Я забрёл сюда глубокой ночью, никем не замеченный, в надежде отдохнуть, но если я мешаю твоему покою, то тотчас же уйду.

И с этими словами Принц встал, будто бы намереваясь удалиться. Но белая женщина с невыразимо прелестной улыбкой мягко остановила его:

– Не спеши, отец, ты так дорог мне в моём одиночестве!

Останься и расскажи мне о своих дорогах. Ты знаешь эту страну лучше меня, и твоя повесть будет мне интересна. И я не позволю слугам обидеть тебя. Но не называй меня госпожой: я такая же странница, как и ты, волею судьбы заброшенная в это место. Останься! А я прикажу подать еду, ведь ты, верно, голоден!

И она громко хлопнула в ладоши, призывая слуг. Все предупрежденные, они не проронили ни слова, увидев свою госпожу в обществе дервиша, быстро расставили столик, стулья, вынесли свежие утренние яства и удалились. Милая хозяйка завтракала вместе с гостем, поощряла его кушать, не стесняться и ни о чём не беспокоиться. Принц ел, стараясь казаться голодным, и всё время прятал лицо.

– Отчего ты не снимаешь покрывала, добрый человек? – спросила девушка. – Без него тебе будет намного удобнее!

– Я стар и уродлив, – отвечал Принц, и голос его заскрипел, как колёса грубой телеги.

– Ты стар? – удивилась она. – Но твои движения гибки, и я не подумала бы, что тебе много лет.

Он промолчал, а она продолжала:

– Не стоит стесняться, если лицо твоё некрасиво. Важнее всего твоя душа, а что она добра, я не сомневаюсь.

– Добрый человек видит в другом доброе, а злой – злое, – сказал Принц, благодаря за еду. – Ты не знаешь меня, а говоришь о моей доброте. Это означает лишь то, что ты сама – ангел.

Он низко поклонился и, стараясь сильнее опираться на посох, направился к выходу. Женщина догнала его и ласково остановила:

– Я не богата, у меня нет денег, чтобы дать тебе. Но если ты будешь нуждаться в пище или в отдыхе, всегда приходи в мой сад, и будешь желанным гостем.

...В своих роскошных покоях весь вечер метался Чёрный Принц, переживая глубочайшую душевную муку. Перед его мысленным взором стоял её облик и то невыразимое очарование, которое излучали её глаза. Ни о чём другом думать он не мог. Старый советник, пришедший навестить его, с мудрым спокойствием выслушал пламенную речь.

– Она прекрасна! – рассказывал Принц. – Она не только прекрасна, но добра и тиха, как солнце в момент восхода. От неё струится такой свет, такая чистота, которую невозможно найти в нашем жестоком мире. Как случилось, что женщина, перенесшая муки плена и горечь униженного положения рабыни, осталась такой... необычайной?

– Может быть, повелитель влюблён? – с улыбкой спросил советник.

Вспыхнул, как мальчишка, Чёрный Принц, но не ответил, а сел в роскошное кресло и задумался. Как стать близким ей? Как сделать так, чтобы она полюбила его? Как заслужить самое трудное, – доверие?

Следующим утром, не успело солнце взойти, он был в саду. Нетерпеливо, прислушиваясь к каждому шороху, ждал

Чёрный Принц появления своей госпожи. Мелькнуло светлое платье, зажурчал смех, и она, заметив его, радостно воскликнула:

– Милый брат! Ты опять здесь! Как хорошо! Мы позавтракаем вместе. Сейчас я попрошу слуг принести нам еду.

Сегодня она казалась ещё свежее, чем вчера, и – ещё прекраснее! Он встал, поклонился и опять молча сел, стараясь скрывать лицо и вдыхая блаженный аромат её присутствия. А девушка вся светилась радостью и щебетала безмятежно, как ребёнок.

– Ты счастлива, хоть и в неволе, – сказал он, когда слуги подали блюда и почтительно удалились. – Почему? Или ты скрываешь своё горе?

Она приостановилась, и тонкая рука замерла в воздухе с кусочком сладкой лепешки.

– В неволе? – переспросила она и мягко прибавила, с лёгкой укоризной упрекая его за вопрос: – Нет, милый брат, ты ошибаешься. Я не чувствую себя пленницей, и мне не тяжела моя доля. Напротив, я благодарна тому господину, который заплатил за меня большие деньги и спас от смерти, поселив здесь. Если бы мне пришлось опять идти по пустыне, я просто умерла бы.

Она замолчала, воспоминание о пережитом на миг омрачило её лицо, но оно тут же вновь засветилось, и девушка продолжала:

– Нет, я не пленница, и рабыней себя не чувствую. Мой

добрый лекарь давно предлагал мне прогулку верхом, но я ещё слишком слаба, чтобы сесть на лошадь. Да и не хочется покидать это прекрасное место. И кроме того, я скажу тебе то, что знает моё сердце: тот Бог, Которого я люблю и Сына Которого распяли на кресте, – Он говорит, что Он – везде. Так какая же разница, где я живу, если Он присутствует всюду?!

Чёрный Принц был поражён глубиной её мысли и оценил бесхитростную мудрость суждения. После непродолжительного завтрака они долго гуляли в саду. Принц вспоминал свои странствия и, слегка изменив детали, рассказывал о том, что видел и встречал. А прелестная гостья живо, со вниманием слушала, перебивая его иногда неожиданным вопросом. Наконец, когда солнце стало совсем нестерпимым, они распрощались, и госпожа взяла с гостя слово, что увидит его завтра на прежнем месте в саду.

...Миновало несколько дней. Каждое утро хозяйка и странник проводили вместе несколько восхитительных часов, любуясь красотой зелени, игрой изумрудных капель на кустах роз и развлекая друг друга рассказами. И постепенно открылось Черному Принцу величайшее сокровище её сердца: истинная, неподкупная доброта и кроткое смирение.

– Как ты попала в плен? – спрашивал он её.

– Мы совершали паломничество в Святую землю, и на пути между Константинополем и Яффой на наш корабль напали. Я ничего не знаю о судьбе своего отца...

– А твоя мать? Братья, сестры?

– Мама умерла, когда я была очень мала, а братья женились и живут со своими семьями.

– Кто же занимался твоим воспитанием?

– Отец! Он служил библиотекарем у одного богатого и влиятельного господина и много путешествовал по всем странам в поиске редких рукописей.

– Ты читала эти книги?

– Конечно! Отец приносил их мне, но случалось, что я просто потихоньку таскала их из шкафа.

И она, смеясь, призналась ему в своём самом страшном грехе: в отсутствие отца она частенько тайком забиралась в его кабинет и читала старинные книги.

Они говорили о солнце и луне, о движении небесных тел и о том, как корабли в ночном море держат курс по звёздам. Принц рассказывал ей о культурах народов пустыни и о том, какие древние города скрывают под собою пески. А девушка посвящала его в тайны, которые содержит самая древняя книга на земле, – она неизменно называла её лучшей и очень жалела, что не имеет возможности купить сейчас. Прекрасная память позволяла ей цитировать целые строки из Писания, и в своих суждениях она часто опиралась на высказывания древних пророков.

Их беседы так затягивались, что лишь сильный зной напоминал: пора прятаться в тень!

– Я совсем утомила тебя, мой друг! – спохватывалась жен-

щина и прощалась: – До завтра!

– До завтра! – повторял Чёрный Принц и уходил, опираясь на посох, с затаённым счастьем внутри: уже завтра!

Иногда государственные дела забирали всё время Чёрного Принца, и тогда госпожа скучала, обходила свой сад, заглядывая под каждое дерево: не уснул ли там её милый дервиш? И уходила, огорчённая. Зато каким счастьем светилось её лицо, когда на следующее утро видела своего друга, неизменно в длинном плаще и с посохом в руках.

Оставаясь наедине с собою в покоях дворца, Принц много думал о белой гостье. Он поражался удивительному сочетанию пытливого ума, глубине мысли и полному безразличию к своей собственной судьбе. Ему хотелось понять это, и однажды он предложил ей бежать.

– Бежать?! – изумилась она. – Но куда? И зачем?!

– Я помогу тебе! – горячо уверял её дервиш. – В разных странах у меня есть друзья, и каждый из них почтёт за честь оказать тебе гостеприимство. Ты доберёшься до своей земли, увидишь родных, здесь же ты – невольница и не знаешь, какую участь готовит тебе твой господин. Я позабочусь о том, чтобы путь по пустыне не был тяжёл для тебя. Только на родине ты будешь свободна.

– Остановись! И прошу тебя, не говори мне больше об этом! – заговорила она, и голос её, прежде нежный и тёплый, зазвенел холодным металлом. – Даже слушать дальше не желаю, и ты сам не знаешь, о чём говоришь. Там, на севере, в

той земле, о которой ты думаешь, как о свободной стране, царят ненависть, гнев и убийства. Правители вешают и сжигают сотни невинных людей, и на каждой площади – кресты, эшафоты, горят костры, а в воздухе – запах палёного мяса! О, если бы ты только знал, что творят те, кто называет себя слугами нашего милосердного Бога...

Она быстро пошла по дорожке, а когда он, ковыляя и опираясь на палку, догнал её, то увидел, как слёзы стекают по бледным щекам.

– Что ты знаешь о нашей свободе? – продолжала она так огненно, что он остановился, поражённый. – Что можно сказать о такой свободе, когда за каждое неосторожное слово, неумышленно сказанное, или просто по злому доносу человека могут казнить, пытать или сжечь? Что знаешь ты о страхе, где люди живут в вечном страхе перед несправедливым наказанием, где каждый пытается донести на другого, а бедный бесправен так же, как преступник! Взгляни, что ты видишь вокруг? В этом чудесном краю народ выходит утром на поля, он трудится, всюду слышен смех и радостный говор. За то время, что я здесь, я не видела ни одной казни! Я не слышала стонов и жалоб! Даже к рабам вы относитесь с большей терпимостью, чем наши правители к своим свободным гражданам! Вы путешествуете по пустыне, торгуете, работаете и не думаете о смерти. А там, откуда прибыла я, страх и гибель на каждом шагу!

Чёрный Принц трепетал. Мог ли он знать об этом? Всегда

стремясь к справедливости, стараясь избегать жестокости и ненужной суровости, он полагал, что там, в северных землях, законы ещё более милосердны. Её рассказ взволновал его. А она продолжала:

– Бежать? Отблагодарить своего господина, спасшего мне жизнь и укрывшего в этом светлом дворце, избавившего от мук и страданий, – тем, что бежать от него? Ты говоришь, что участь моя – участь рабыни, невольницы, и неизвестно, что ждёт меня, но разве может быть злым человек, в доме которого царят радость, веселье, смех? Не бежать я должна, а благодарить своего господина за то, что живу в месте чудном и прекрасном, что могу наслаждаться свободой и не думать каждую минуту о смерти. Да лучше я умру здесь, в эту минуту, чем убегу от него!

Так отвечала ему эта удивительная женщина, с негодованием отвергая предложение о побеге. Не было предела изумлению Чёрного Принца, впервые столкнувшись с таким благородством чувств и мыслей, с таким порывом чести в столь юном создании.

В эту ночь ему не спалось, он лежал на просторной террасе, наблюдая стройное движение звёзд, и размышлял. Сколько страданий должна была вынести душа, которая научилась так высоко мыслить, так глубоко переживать и иметь такую несокрушимую силу духа! Не жалобы, не стоны и не сожаления, а чистая благодарность родилась в ней, принявшей ужасы рабства и тяготы долгого пути. Умение мыслить высоко

и чисто, – откуда оно в ней? Так, удивляясь и восхищаясь, Чёрный Принц встретил утро.

Потекли волшебные дни, полные радостных встреч в тени благодатной рощи. Во время прогулок Чёрный Принц по-прежнему не открывал своего лица, опасаясь лишиться дружбы женщины, но она и не просила об этом, деликатно отводя глаза, когда нечаянный порыв ветра относил в сторону край его покрывала. И постепенно возникло между ними удивительное чувство взаимной привязанности, которое можно назвать близостью душ, чувством прекрасным и трогательным, но не любовью с её страстью и увлечением. Скорее тяга двух истосковавшихся по пониманию сердец влекла их друг к другу, заставляя проводить в глубоких беседах целые часы. К счастью, слуги были молчаливы и скромны, а её, привыкшую на родине к свободному обращению между мужчинами и женщинами, не удивляло то, что к ней ежедневно пропускали мужчину. Видимо, мысли о странности их положения просто не приходили ей в голову. Юная женщина по-прежнему была уверена в том, что рядом с нею – пожилой человек, сохранивший гибкость движений и прекрасный, обширный ум. Об этом она и спросила его однажды.

– Скажи, милый брат, откуда твои огромные познания? Человек неграмотный, необразованный не мог бы знать так много! Мне кажется, ты умеешь и читать, и писать. Не так

ли?

– Да, я обучен грамоте, – скромно ответил Принц.

– О! Как хорошо! – воскликнула она радостно. – Значит, ты можешь научить и меня?

И тут же хлопнула в ладоши, призывая слуг и отдавая распоряжения. Как только столик и письменные принадлежности были расставлены, она села сама и предложила сесть гостю, и на лице её появилось вдохновенно-счастливое выражение человека, которому не терпится начать учиться. Чёрный Принц взял тонкую кисть, слегка смочил кончик густой гуашью и обнажил свою руку, приготавливаясь писать. Внезапно лицо женщины побледнело. Принц мгновенно почувствовал, как она напряглась, и мучительный вопрос замер у неё на губах. Внезапно поняв, что выдало его, он поспешил убрать руку, но было поздно. Она встала и, не сводя с него взгляда, проговорила:

– Мой господин, пожалуйста, прости меня, если моя речь покажется тебе неприятной. Ты сказал мне, что ты – безвестный странник, но ты образован и умён, а твои мысли благородны и возвышенны. Твой взгляд, который я иногда вижу сквозь завесу покрывала, мудр и прекрасен, а руки – чисты и красивы. Взгляни, – и с этими словами она деликатно взяла ладонь Принца. – Эти длинные гибкие пальцы, эта гладкая кожа, – могут ли они принадлежать бедному дервишу, путешествующему по пустыне?

Она провела тонким мизинцем по шрамам на его руке.

– А это? Ты – воин, и за твоим покрывалом я угадываю сильное, мощное тело. Мне кажется, что ты – человек высокого рода, но по какой-то причине не желаешь выдавать свою тайну и скрываешься под этим плащом. Я не стану спрашивать тебя ни о чём, но позволь мне поблагодарить тебя за дружбу, за сокровища твоего сердца, и за те долгие беседы, которыми ты награждаешь меня, простую невольницу. Без тебя моя жизнь была бы скучна и печальна.

Всего мог ожидать Чёрный Принц, но такого! Он схватил её руку и прижал к своим губам. Ах, как бы он хотел покрыть поцелуями её лицо, но ни на мгновение выдержка и самообладание не изменили ему, и он только низко поклонился своей госпоже...

Наверное, их отношения изменились бы, если б хоть капля настойчивого любопытства проснулась в женщине! Но нет, в ней были только простота и доброта, относящиеся к чужой тайне уважительно и скромно.

Минул ещё один жаркий месяц. Похорошел и расцвёл цветами прекрасный сад, загустела листва деревьев. Теперь каждую ночь спускалась белая госпожа к длинному прохладному бассейну, устроенному в глубине парка, освежиться купанием. Бассейн был просторный, выложенный внутри большими плитами голубого мрамора, с одной его стороны прибывала чистая вода, а с другой, для стока, уходил глубокий подземный коридор. Перед рассветом смотритель поднимал тяжёлый деревянный щит и выпускал нагретую воду. Она

уходила шумно, закручиваясь в месте каменного туннеля бешеным водоворотом. И никто не подозревал, какой страшной опасности подвергнется жизнь всеми любимой белой госпожи, когда однажды ночью, распалённая духотой, она решит искупаться.

Чёрный Принц, погруженный в глубокую задумчивость, гулял неподалеку. Он размышлял о том, каким удивительным даром стала для него встреча с гостьей из далёкой северной страны, и как чудесно сбывается давний сон, только последнего момента, где она протягивает к нему руки и просит о помощи, он не понимал.

Неторопливо минуя бассейн, он увидел её, входящую в воду в тонкой сорочке. Светлым золотом казались в лучах луны распущенные волосы. Принц тут же отошёл, оберегая целомудрие и покой купальщицы, но не успел удалиться вглубь сада, как услышал звук отодвигаемой заслонки и шум стекающей воды. Он замер. Внезапная мысль о том, что женщина может не знать устройства водоёма и, несмотря на опасность, продолжать купаться, заставила его круто развернуться и бегом броситься к бассейну. Всего несколько минут понадобится воде, чтобы уйти под землю, и если девушка не успеет выйти, то будет неминуемо затянута в глубокий колодец без дна. Он выбежал из парка и увидел: вода уходила, уровень её резко упал, но женщина, ничего не чувствуя, плывёт посредине бассейна.

Молниеносным движением Принц сбросил покрывало и

прыгнул в воду. Он был отличным пловцом, но бешеный сток закручивал воду, и ему понадобились все силы, чтобы подплыть к госпоже. Она уже почувствовала неладное, но ещё не могла понять, куда её тащит течение. Увидев мужчину, плывущего навстречу, доверчиво повернулась к нему и схватила протянутую руку. Вращение убыстрялось. Принц понял, что отяжелённый ношей, может не справиться сам, и крикнул так громко, как только мог:

– Скорее! Ко мне!

Голос владыки, мощный зов повелителя прорезал пространство.

– Быстрее! К бассейну! Я здесь!

Стража сбежалась, бряцая оружием, и несколько сильных воинов бросились в воду. Щит моментально закрыли, поток успокоился, и Принц, оберегая свою ношу, осторожно вышел на берег. Госпожа была испуганна и молчала; он положил её на траву и приказал скорее привести лекаря. Прошла минута, другая, глаза её открылись и смотрят на Принца.

Что увидела она в этом лице? Какая догадка мелькнула и отразилась во взгляде немым удивлением, глубоким вопросом? Человек, которого она привыкла видеть с опущенным взором, в покрывале, впервые предстал перед нею с открытым челом. Но не уродство и не признаки старости были на нём, а спокойная, властная, благородная красота! А голос! Этот голос, всегда приглушённый и мягкий, – откуда в нём твёрдые ноты и жёсткий металл, звенящий тоном непрере-

каемой воли? И почему все воины стоят в ожидании его приказаний?

Мгновение – и она поняла! Вскрикнула, закрыла лицо руками...

Ничего не сказал Чёрный Принц, только крепко прижал её к себе и несколько мгновений держал в объятиях. А потом, передав подоспевшему лекарю, твёрдым шагом покинул парк.

Утром, едва ему доложили, что госпожа встала и чувствует себя хорошо, Чёрный Принц оделся в роскошные одежды, приличествующие его сану, и направился к ней. Почтительный слуга нёс, едва попевая за ним, драгоценности в прелестной шкатулке. Гостья сидела в саду на привычном месте, там, где ждала его по утрам. Увидев повелителя, подняла голову, и он встретил взгляд: чистый, спокойный. Чуть бледное, но полное достоинства, её лицо восхитило его особым внутренним сиянием, вдохновением, силой, как будто какое-то мужественное решение уже созрело в её душе. Принц подошёл и склонился в глубоком восточном поклоне.

– Моя госпожа, – молвил он. – Ты можешь считать меня вором, обманом проникшим в твой сад, можешь отвергнуть с презрением или ненавистью, но выслушай мою речь. Я прожил недлинную жизнь и никогда прежде не видел белой женщины, пришедшей с севера. Нам, людям пустыни, непонятен ваш язык, и сердца ваши закрыты для нас. Единственной причиной, побудившей меня выдать себя за стран-

ника, было стремление понять твою душу, раскрыть сокровища твоего сердца и самому стать понятным и близким тебе. Я понимал, что представ перед тобою в обличье повелителя, навсегда терял возможность быть тебе другом. Как мог я иначе заслужить твоё доверие, если не сбросив с себя все условные различия, не явившись к тебе простым человеком, каковым, по сути, и являюсь, и не забыв о временной власти, которой Бог наделил меня на Земле? Радость общения, любовь, поразившая моё сердце, и страх потерять тебя и твою дружбу заставили меня так долго скрывать истину. Но если ты видишь бесчестный обман в моём поступке, прости меня!

И Чёрный Принц склонил гордую голову, положив правую руку на сердце.

– Нет, господин! – отвечала она. – Не таю на тебя обиду. Прав ты: что может быть тяжелее встречи рабыни с повелителем, когда зависимость униженного положения давит со всей силой? Я понимаю истинные стремления твоей души и благодарю, что ты был добр и снисходителен ко мне, простой невольнице. А этой ночью ты опять спас мне жизнь. В моём сердце ты – самый любимый брат!

Ярче огненной молнии вспыхнуло лицо Чёрного Принца! Не братом ей он хотел быть! Величественно выпрямившись во весь рост, мужчина страстно произнёс:

– Сегодня, когда я, наконец, могу быть открытым, прошу тебя стать не сестрой моей, но – возлюбленной, женой. Нет на земле никого, кто мне дороже тебя.

Она смутилась и отвела глаза. А он, по-своему поняв её молчание, продолжал:

– Но если ты не желаешь, если моё предложение неприятно тебе, то я дам тебе караван и верную стражу в попутчики, и они доставят тебя в любую страну, куда пожелаешь, а того золота, что ты увезёшь с собой, тебе хватит до конца дней, да будут они благословенны!

Взволнованная, покорённая до глубины души его словами, девушка подняла голову:

– Мой господин! Я полюбила тебя давно, ещё в те дни, когда считала простым странником. Ты заменил мне и брата, и друга, и учителя. Ты открыл мне своё чистое сердце и ясный ум. Ты дал мне понять, что между нами не существует различий и что цвет кожи – не препятствие для сердец. Ты стал для меня родным и близким. Что же меняется теперь? Разве ты, облечённый властью, – это уже не ты? Или, сбросив одежды дервиша, ты станешь другим? И что мне делать с собственным сердцем? Позволь мне остаться! Не величие твоего положения и не те богатства, которые ты мог бы дать мне, заставляют меня просить об этом, но доверие и дружба.

И она сделала неуловимое движение навстречу ему. Принц понял – и обнял её, привлёк бережно, как драгоценность. И с несказанным наслаждением почувствовал, как ласково и нежно прильнула к его груди девичья щека.

Богатства и земли, города и фонтаны, неисчислимое мно-

жество слуг, слава и величие – всё было у Чёрного Принца, но истинное сокровище он приобрёл только сейчас.

Остров слепых

На далёком-далёком острове, отделённом от материка мощным океанским течением, грядой острозубых рифов и облаками тумана, жило древнее племя людей. Все они были слепыми.

Их глаза не видели ничего, но они трудились, выходили в море, удили рыбу и охотились точно так же, как делает это любой человек на земле. Они умели слушать!

Весь окружающий мир эти люди воспринимали благодаря тончайшему слуху, и потому они даже не догадывались, что лишены чего-то существенного, необходимого каждому человеку, что может и должно принадлежать им по праву. До тех пор, пока однажды грозный шторм не пригнал к их берегам погибающий корабль.

Шлюпка причалила к берегу и, шурша, врезалась носом в песок. Людей, сидящих внутри, осталось немного: несколько измученных матросов и немолодой, со строгим лицом капитан.

Но на берегу их уже ждали: сильные молодые воины, увенчанные уборами из серебристых перьев, стояли в строгом по-

рядке, приветствуя гостей ударами копья по песку. Один из них тут же бросился в воду и ловким движением помог вытащить лодку. Гости насторожились и ожидали, что же последует дальше, но в лицах островитян не было враждебности. Зато все сразу заметили, что воины слепы. Да, они, эти могучие красавцы, держащие тяжёлые копья как былинки, оказались незрячими. Их плотно закрытые глаза вызывали чувство горького сожаления, недоумения и печали. Капитан огляделся: с кем же говорить? Но тут, словно прочитав его мысль, приблизился юноша и сказал:

– Ты можешь не бояться за себя и своих людей. Мы знаем, что вы голодны и устали. Я отведу вас в деревню, там наши женщины приготовили вкусную еду. А Онако, наш старший, давно отправил рубщиков в лес, чтобы приготовить брёвна для починки вашего корабля.

Матросы онемели. Корабль стоял достаточно далеко: как можно отсюда рассмотреть, что он нуждается в починке? Тем более, если ты – слеп?

– Мы ждём вас с раннего утра, – добавил юноша.

Тут капитан рассмеялся. Не желая обидеть парня, но догадавшись, что тот фантазирует, моряк ответил:

– Мы, действительно, голодны. Но ждать нас с раннего утра?! Лишь час назад я бросил якорь в этих водах!

Реакция туземца показалась ему странной. Тот подумал, помолчал, а потом сказал, склонив голову и к чему-то прислушиваясь:

– Ваши лица – другие. Есть что-то, что отличает тебя от нас, и это что-то мешает тебе слышать.

Ничего не понял капитан из слов воина, но спросить не успел: тот подхватил копье, и отряд двинулся вдоль берега.

Матросы шли с трудом. Отвыкнув от долгой ходьбы, они едва волочили негнущиеся ноги. Островитяне же почти бежали, при этом не спотыкаясь, не путаясь и не производя шума. Они двигались так легко, что казалось невозможным, что ни один из них не видел дороги!

– Капитан, – шепнул один из матросов, – смотрите!

Старый моряк поднял глаза и заметил, как один из воинов, чтобы не наступить на камень, обошёл его слева. Другой совершенно спокойно перепрыгнул через бревно. Понаблюдав с минуту, капитан понял, что эти люди всё же видят, но каким-то другим, непонятным образом. Не успев найти ответ на этот вопрос, он вгляделся в деревню. При первом же взгляде стало понятно: их действительно ждали. Прекрасные пальмовые столы стояли на берегу ровным квадратом и были украшены фруктами и цветами. Ощущение, возникшее у капитана и матросов, напоминало ощущение человека, который готовился прибыть с сюрпризом, но, приехав, увидел, что его сюрприз давно открыт и хозяева заранее оповещены о прибытии. Но кто же мог рассказать островитянам о том, что в местных водах терпит бедствие корабль? И как могли они знать, что измученные, голодные люди приближаются в

шлюпке?

Ничего не понимая, но чувствуя, что вопросы бурей проносятся в голове, капитан огляделся – с недоумением, как ребёнок. Впервые в жизни нечто не поддавалось логике, противоречило всем представлениям. Но уже приближался вождь, обратив к ним такое же незрячее, как у других, лицо. Совершенно безошибочно выделив капитана из группы гостей, он мягко обратился к нему:

– Не бойтесь. Мы отличаемся от вас, это верно, но никто не желает вам зла. Угощайтесь, отдыхайте, а завтра мы поможем вам починить корабль.

Они ели осторожно, все ещё опасаясь подвоха со стороны этих странных людей, но чем дальше, тем спокойнее становились лица, и вот уже потянулись руки, чтобы обнять ухаживающих за ними женщин, послышался смех, весёлые шутки.

– Капитан, а они не так уж и плохи! – улыбался матрос, поглаживая пышную островитянку, стоявшую рядом.

– Не распускайтесь, – оборвал его старый моряк, строго глянув на свою команду. – Ведите себя достойно! И не забывайте: они видят лучше зрячих!

Позже, сидя рядом с Онако и наслаждаясь теплом вечернего костра, капитан спросил его о причине.

– Когда-то, – рассказывал вождь, – и на нашем острове люди могли видеть. Но теперь это – легенда. Наши дети не

знают, что такое глаза. Они слушают.

– Слушают?

– Да. Новое поколение слышит даже лучше, чем мы, старики. Знаешь, кто рассказал мне о том, что большая лодка, ваш корабль, приближается к острову? Тот маленький мальчик. Он почувствовал хруст парусов.

Капитан засмеялся. «Поэтично сказано, – подумал он про себя, – но невозможно услышать такой звук, как трепет парусов на ветру, если ты не находишься вблизи корабля».

– А как вы догадались, что мы устали? – спросил он, понимая, что вступает в необычную игру, но не лишая себя этого удовольствия. – Что голодны, и что корабль изрядно потрепан бурей?

– Утомлённые люди гребут слабо, в их вёслах нет ритма. Многое покажется тебе странным, – помолчав, продолжил Онако, – если ты не поймёшь, что значит слушать...

Они сидели на берегу: вождь и капитан, два разных человека, живущих в непохожих мирах. На синей глади океана мягко шевелились волны. Онако подхватил горсть песка и медленно высыпал на землю. Песок тонко просочился сквозь пальцы.

– Ты видишь, поэтому не стремишься слышать. Но мы – другие. Нам нужно общаться с миром, чтобы жить в нём и понимать его. Взгляни. Этот песок, – он такой же материал, как и всё остальное. Он соприкасается с морем, воздухом и дождём. Он разговаривает с ними, а я – разговариваю с пес-

ком. Ты удивлён: как я узнал тебя? Очень просто. Твоя фигура больше, чем другие, излучала уверенность и бесстрашие. Ты как будто на голову выше всех. Ты шёл впереди, и тысячи предметов успели рассказать мне, какого ты роста, во что одет и что держишь в руках. О том, что вы имеете глаза, можно догадаться по многим признакам. Вы спотыкаетесь о камни, потому что глаза смотрят прямо, а того, что под ногами, не видят. Вы не знаете, что происходит сзади или сбоку от вас; стоит вам отвернуться, и вы становитесь беззащитны. Когда ваши глаза закрыты, вы теряете связь с миром.

– Это не совсем так, – отозвался капитан. – Мы тоже слушаем.

– Конечно, – кивнул Онако и поднял седую голову. – Скажи мне, что происходит вон на том рифе?

И он протянул руку влево. Там на небольшой голой скале сидели птицы: несколько отдыхающих чайк. Их клювы были повернуты в сторону горизонта.

Капитан честно прикрыл глаза и вслушался. Конечно, это нелепо: понять, что происходит с чайками на таком расстоянии.

– Там сидят чайки, – ответил он, – это то, что я видел. Когда же закрыл глаза, то услышал шум волн и ветер.

– Те чайки – разведчики, – объяснил вождь. – Они не просто сидят. Они ждут. Течение гонит большой косяк рыб, и когда он приблизится, две или три птицы полетят к берегу,

чтобы сообщить об этом своей стае.

Заинтересованный, капитан внимательнее взгляделся. Отсюда было непросто увидеть самих чаек, не только понять их стремления. Но вдруг две крупные птицы сорвались со скалы и молнией метнулись к острову. Не прошло и минуты, как вся стая, суматошно крича, нависла над морем. Охота началась! Капитан прекрасно видел, как чайки пиками вонзались в воду и выныривали, держа в клювах трепещущую рыбу. Он в изумлении обернулся к Онако.

– Всё это ты услышал?!

– Всё это и много больше, – ответил Онако. – Ты же только смотрел.

Утром капитан убедился, что юноша, бывший проводником, оказался прав: вождь действительно посылал людей в глубину леса, и вскоре стройные брёвна лежали на песке. Островитяне вмиг обтесали их, обработали им одним известным раствором, и к вечеру третьего дня корабль украсили новые мачты.

Не торопясь, стараясь делать всё как можно тщательнее, матросы закрыли пробоины, обновили шпаклёвку, починили сломанную утварь. На это ушла неделя. Казалось бы, можно и в путь! Но тянул и тянул время, не желая расставаться с островом, отдохнувший капитан. Он много гулял, разговаривал с детьми и подростками, часто смеялся их фантазиям, но потом долго и углублённо размышлял. Вождь наблюдал за ним издали, догадываясь, а может быть, даже точно зная,

что происходит в душе старого моряка.

Наконец, настал день, когда капитан объявил, что пора отплывать.

– Я дам тебе юношу, – ответил Онако. – Он проведёт твой корабль сквозь туман. Дальше поплывёте сами.

Стоя на корме, капитан долго вглядывался в незрячие лица. Ветер наполнял паруса, остров отдалялся, но почему-то громче и громче слышался капитану голос седого вождя: «ты ничего не поймёшь, пока не научишься слушать...»

Молодой туземец крепко держал штурвал. Его тонкое, умное лицо, обращённое к ветру, было столь же вдохновенно, как лицо самого капитана, когда тот вёл свой корабль. Судно уверенно продвигалось сквозь полосу густого тумана.

– Как ты делаешь это? – спросил капитан. Он помнил о том, что новое поколение обладает особым даром.

Юноша слегка повёл подбородком в его сторону:

– Как я веду корабль?

– Да. Откуда ты знаешь, куда повернуть штурвал?

– Я разговариваю. Это немой разговор. Минуту назад в борт ударила сильная волна. Она пришла с севера и принесла весть от дальнего рифа: тот предупреждает, что стоит на пути корабля, и советует обойти его справа – там воды глубже. С другой стороны голос течения подсказывает, что можно воспользоваться его силой и сохранить высокую скорость.

– Как! Волны, рифы – они говорят с тобой?

– Конечно. Весь мир говорит со мной. Почему ты изумлён? Однажды ты объяснял мне, что видишь глазами. Я понял, что мир говорит с тобой через твои глаза, и ты не удивляешься этому!

Капитан замолчал, поражённый. Простая догадка о человеке, говорящем с миром посредством глаз, повернула его мысль в новое русло. «А ведь мальчик прав! – думал он, иным взором оглядывая облака, бегущие воды, небо и бескрайнюю даль. – Я вижу – я говорю. Он слушает – и разговаривает...»

По палубе прошёл старший помощник. Когда он удалился, юноша сказал:

– Сейчас здесь был человек, который считает себя важным и умным. Он давно хочет занять твоё место.

– Вот как? – улыбнулся капитан. – Откуда ты знаешь?

– Я слышу!

Над водой промчался крик серой чайки.

– Что она сказала?

– Ветер меняется, он гонит туман в сторону. Скоро мы выйдем в чистое море.

Капитан ещё раз взглянул в лицо паренька:

– Но почему весь мир *говорит* с тобою? Ведь он мог бы и молчать!

И тут светлая, как день, улыбка озарила весь облик юноши. Он крепко вдохнул свежий бриз и, смеясь, отрицательно покачал головой:

– Мир не может молчать, когда я с ним говорю. Так не бывает. Это – как лучший, самый надёжный друг. Он всегда готов помочь тебе.

Величавой птицей корабль выскользнул из тумана. Матросы сбросили на воду лёгкий каяк туземца; он попрощался и прыгнул в лодку. Через минуту плотные облака поглотили его.

А корабль продолжил путь. Спустя несколько недель он прибыл в порт, разгрузился и был готов к новому плаванью. Старший помощник пришёл к капитану с целой массой выгодных предложений.

– Нет, – отвечал капитан голосом, не терпящим возражений. – Мы не возьмём никакого груза. Запасись водой, продуктами, и на рассвете отплываем.

– Могу я узнать, куда? – с едва уловимым сарказмом поинтересовался старпом.

– Конечно, – капитан поднял голову: – Правда ли, что вы были бы рады на некоторое время занять моё место? – спросил он неожиданно, и теперь внимательно следил за тем, как меняется лицо молодого человека.

Тот смешался, но прямой вопрос принуждал к честному ответу, а потому слегка отвёл глаза:

– Да.

– Так вот моё решение. Вы займёте моё место и доставите меня на остров слепых.

– Капитан! – вскричал помощник. – Это невозможно! Да

и зачем вам это?

И тогда старый моряк повернул голову к горизонту, а взор его улетел в безграничное пространство. В мечту.

– Я хочу научиться слушать, – ответил он так тихо, что слов его почти не различили.

Песчаная буря

Город накрыла песчаная буря. Ветер гнал из пустыни раскалённый песок, он набивался в рот, хрустел на зубах, оседал на дорогах. Люди закрывали лица; воздух посерел и пожелтел. Вечер был похож на утро, а утро – на вечер.

На крыше одного из домов человек вырастил сад. Он принёс сюда множество кадок с деревьями и кустами, рассадил цветы, а когда началась песчаная буря, очень волновался. Каждый час он выходил, чтобы полить растения, прикрыть их нежную листву, перенести в тень самые хрупкие саженцы. Сад очень страдал.

– Что позволяет себе этот ветер! – возмутилась изящная избалованная камелия. – Разве можно так обращаться с нами?!

– Ещё день-два, и мы все погибнем, – подхватил жасмин. А остролистная пальма вздохнула:

– Да, тяжело, – и смахнула с верхушки густую пыль.

Ветер слышал упрёки и молчал.

Маленький цветок без имени проследил за ним крошеч-

НЫМ глазом и тихо сказал:

– Может быть, ветер знает, зачем это нужно! Всё в мире зачем-то и почему-то.

Но деревья и кусты зашипели и зашикали на него.

Буря продолжалась. На исходе третьего дня она улеглась...

В самом сердце пустыни, среди режущей глаз желтизны, медленно двигался караван. Солнце село, и предводитель в белой чалме сошёл с верблюда. Он опустил на землю, стал на колени и вознёс хвалу:

– О, милосердный Господь! Благодарю Тебя! Ты послал нам благодатный ветер, который на три дня отогнал тучи песка и дал каравану возможность пройти самую опасную часть пути. Теперь нам ничего не грозит!

Ветер кружился тут же. И как приятны были ему эти слова!..

Искры Эля

Высоко в горах, прилепившись к скалам, жили люди. Это было дикое, злобное, низкорослое племя; жилищем им служили пещеры, а пищей – змеи и насекомые. Вокруг простиралось чудесное пространство, покрытое снегами, и однажды сюда прилетел Эль – небесное существо с головой человека и безупречным телом лошади.

Эль стоял, наслаждаясь воздухом и восхитительным видом, когда внезапно почувствовал, что за ним наблюдают. Сотни кроваво-красных глаз следили за каждым его движением. Люди прятались за камнями, и их косматые головы представляли ужасное зрелище. Дрогнуло сердце Эля, забилось сильнее от сострадания, и тогда он, поднимая правую ногу и с силой ударяя ею по скале, начал выбивать искры. Рассыпаясь, искры проникали в тела и облагораживали их.

Каждый день прилетал Эль, и каждый день выбивал огненные искры. Менялось племя дикарей: стали ходить ровнее, учились говорить, а в лицах появилось нечто человеческое. Но не все приближались к Элю, и не всех достигали искры. Были и такие, что наблюдали издали, сгорая от злобы и ненависти. Они-то и задумали убить небесного гостя.

Сплели прочную сеть из травы, и однажды, когда Эль прилетел, набросили на него. Взмыл в небо конь, забился в сети, но тут же возмутился, вздрогнул всем телом и сжёг сеть. Улетая, Эль понимал, что возвращаться ему нельзя. И тогда, вернувшись и сделав круг над площадкой, он сбросил свою подкову.

Прошло несколько дней. Эль вновь пролетал над горами. Немного спустившись, увидел: на площадке, на том самом месте, где всегда стоял он, сидит юноша и, громко ударяя подковой, выбивает без усталости новые искры.

Сказание о чайках

На пустынном берегу, прижав лицо к худеньким коленям, сидела девушка. Мало ли горя у юности? – она плакала. А над нею, неутомимая, кружила и кружила одинокая чайка. Девушка не замечала птицу, но потом, подняв голову, проводила её долгим взглядом.

– Тебе не понять, как трудно быть человеком! И я хотела бы так же, как ты, летать свободной. Только... – она не договорила, задрожала губами и опять склонилась к коленям.

Чайка спустилась, едва не задев крылом, покачалась, словно сочувствуя, а потом поднялась высоко-высоко и исчезла за горизонтом.

«Небеса, милые небеса! Вы – мой дом, мой кров, вы даёте мне волю и силу. В вас я обретаю свободу, под вашим сиянием парю. Там, на дальнем берегу у моря сидит девушка. У неё нет ни крыльев, ни свободы, земля притягивает её к себе и наполняет скорбью. Я хотел бы утешить её, но у меня нет ног, чтобы подойти, нет рук, чтобы протянуть их к ней, и нет уст, чтобы сказать доброе слово... Помогите мне! Сделайте чудо, чтобы птица и человек поняли друг друга...»

И – откликнулись небеса: чайка ощутила притяжение и тяжесть в крыльях. Сохраняя ровность полёта, она устремилась назад.

Девушка ещё сидела на берегу, когда к ней, осторожно ступая, подошёл юноша. Серебристые волосы, тонкая белая

кожа, тёмные глаза. Она удивилась: какой необычный юноша! Не видела его на здешних берегах!

– Не плачь! – сказал он голосом мягким, как шелест при-
боя. – В небесах тоже много горя...

Ей показалось, что ему немного трудно говорить.

– А свобода – она не снаружи, а внутри, – добавил он тихо,
продолжая смотреть на неё ласковым взором.

Девушка удивилась: разве кто-то слышал её слова?

– Откуда ты? – спросила она.

– Я живу здесь давно, просто ты не замечала меня.

Он сел на песок.

– Ты рыбак? – спросила она.

– Да, я люблю ловить рыбу, – ответил с улыбкой.

– Где твой дом?

– Вон в тех скалах!

Она с удивлением повернула голову: так высоко она не поднималась, наверное, там и вправду есть какой-то дом... Они разговаривали долго, и девушка забыла, о чём плакала утром. Он рассказывал ей о море, и тех дальних странах, что скрывает горизонт, о чернокожих людях и тёплых южных ветрах. Когда наступил вечер, а солнце закатилось за кромку воды, ей стало страшно уйти и больше не увидеть его. Но он, словно почувствовав, молвил:

– Я буду ждать тебя каждое утро. А если не сможешь прийти утром – то днём. Или вечером. Я стану ждать тебя всё время...

Она смотрела долго и пристально: что-то знакомое почувдилось ей в повороте головы, и как он взглянул ей в глаза. Но разве сразу поймёшь – что?

Утром она прибежала, торопясь и боясь, что не увидит его. Но он сидел на берегу, и ветер развеивал его серебристые волосы.

Так подружились человек и чайка.

Однажды, стоя на высокой скале, он раскинул руки и сказал:

– Я летаю. И хочу, чтобы этому научилась и ты.

Девушка засмеялась:

– Где уж мне! – но почему-то подняла лицо кверху и подставляла струям тёплого воздуха.

Он обнял её сзади:

– Просто попроси.

– Кого?

– Небо!

– Разве оно услышит?

– Конечно! Вспомни, когда я захотел прикоснуться к тебе, оно откликнулось...

– У меня не получится...

– Попроси!

Она долго думала, как попросить, что сказать, а потом крикнула сердцем: «Хочу летать! Так, как летает он!»

В один миг руки обратились в крылья, тело стало невесомым, а ветер, этот шальной, стремительный ветер, подхватил

её и бросил в воздух.

– Ах! – вырвалось из глубины, но уже летела, неумело поворачивая, и жадно хватала воздух маленьким чёрным клювом.

«Лечу!» – сияли глаза. «Летишь!» – повторял возлюбленный. Он парил рядом: смелая чайка с серебристыми крыльями.

Когда они вернулись и сидели на берегу, она плакала, но не слезами горя или отчаяния, а слезами тихой радости. Но как повторить? Он прислушался к ветру, к голосу Неба и тихо сказал: «Такое даётся лишь один раз».

Шло время. У женщины появился плод любви: маленькое дитя. Это был мальчик, обыкновенный мальчик с тонкой белой кожей и чёрными глазами. Так же, как все дети, он плакал по ночам, и так же, как все дети, радовался, когда отец брал его на руки. Раз или два в неделю мужчина приносил семье небольшую золотую монету. «За много миль отсюда на дне моря лежит затонувший корабль, – рассказывал он. – Когда сильный отлив обнажает песок, я вижу множество рассыпанных монет. Я не могу принести много, в один раз – только одну». Но этого было достаточно: они ни в чём не нуждались.

Год, другой миновал. Мальчик подрастал. Всё чаще женщина вглядывалась в него и думала: «Неужели ты – простое дитя и никогда не будешь летать? Никогда не полетишь за отцом, никогда не расскажешь мне сказок о загадочных чёр-

ных людях?» Она представляла, что жизнь её сына пройдёт на этом берегу, рядом со старой рыбацкой лодкой, и ей становилось грустно. Познав однажды радость полёта, она понимала, **что** потерял человек. Но проходил год за годом, а сын по-прежнему оставался обычным ребёнком и ждал отца, играя на берегу.

Тот появлялся на закате, уставший, счастливый, укладывал сына спать, а затем долго стоял над ним, всматриваясь, и женщина видела на его лице отголоски тех же мыслей: «Неужели – никогда?» Мужчина тихо вздыхал, выходил из дома и вслушивался в голос Неба, словно спрашивая о том же...

Миновала ещё одна осень, отшумели зимние шторма. Когда же настала весна, женщина вдруг увидела, что волосы её сына стали светлеть. В них появилось чистое серебро, как у отца. Такой красоты она не встречала! А потом, войдя в его спальню однажды утром, обнаружила пустую кровать, а на подушке – маленькое перо. Она стала звать и искать, но сердце сказало: «Не ищи, – он там, где его отец».

Поздно вечером, на закате, она наблюдала полёт дальних чаек, возвращающихся домой. Они появились на горизонте, и по мере приближения к берегу превращались в прекрасных птиц. Женщина улыбнулась: «Как они похожи, отец и сын!» Повернулась и спокойно пошла вдоль моря, любуясь тем, как согласно взмахивают их крылья.

Вечером, когда мальчик уснул, мужчина рассказывал:

«Это был его первый полёт, но он держался уверенно, будто летал всю жизнь». Они склонились над кроватью и тихо вглядывались в лицо ребёнка. Женщине на миг показалось, что она видит бегущие облака, и яркие всплески солнца, и бушующее море – всё, что видел он за сегодняшний день. Да, она не летает и никогда не полетит, но пусть летает он...

Она обняла мужа и сказала: «Идём, не будем мешать: его крылья должны отдохнуть» – и оба вышли из комнаты.

Малыш мирно спал. Ему снилось небо...

Солнце в её глазах

– Кто здесь? – спросила девушка и протянула руку.

Ответом была тишина. Несколько мгновений она молчала, прислушиваясь, а затем опять напряжённо спросила:

– Кто?

Из глубины комнаты выступил кто-то, облачённый в хитон, весь мерцающий синим светом, и промолвил так тихо, что она едва расслышала:

– Я...

Девушка повела слепыми глазами, нахмурила брови:

– Как ты вошёл?

Он обернулся и потрогал рукою стену:

– Здесь, я прошёл здесь.

– А дверь?

– Дверь в другой стороне...

– Ты – ангел?

– Нет...

Она замолчала, откинула голову на подушку и почему-то тихо сказала:

– Хуже уже не будет... Ты пришёл забрать меня?

– Нет, тебе ещё рано.

Улыбка согрела её лицо.

– Но я мог бы помочь, – произнёс он.

– Мне уже не помочь...

– Откуда ты знаешь?

– Так доктор сказал.

Тот, кто прошёл через стену, ласково улыбнулся:

– Конечно, но я же не доктор.

Она опять напряжённо привстала:

– Я Валю позову.

– Валя – это сиделка?

– Да. Она готовит мне ужин.

– Тогда я приду позже.

– Нет, не уходи!

– Ты боишься?

– Боюсь, только не тебя. Темноты, одиночества.

Он немного подумал, а потом тихо сказал:

– Темнота скоро кончится. Будет свет.

...Наутро Марина просила открыть все шторы и долго прислушивалась к тому, как солнце мягкими пятнами греет её руки. Она хотела рассказать матери, что ночью здесь кто-

то был, но побоялась напугать её. Днём ходила по комнате, попросила причесать её волосы и красиво поставить вещи. А вечером не стала ужинать и сказала, что рано ляжет спать.

Он вошёл так же неслышно, как и в первый раз. Но она почувствовала, приподнялась на локте:

– Ты здесь?

– Я опять пришёл не через дверь. Ты позволишь? Через стену мне удобнее.

Девушка улыбнулась, показала рукой на стул подле себя:

– Подойди.

Он сделал несколько несмелых шагов.

– Я думала, только ангелы ходят через стену.

– Я тоже... иногда.

– Откуда ты?

– Там, где я живу, много света. Реки, озёра света, и даже когда ночь, тьмы не бывает.

Она слушала с замиранием сердца.

– Поэтому я здесь, – ведь свет нужен твоим глазам...

Она напряглась.

– Хочешь, я дам тебе несколько капель? – продолжил он.

– Это не больно?

– Это прекрасно!

Он стал рядом с кроватью и, держа бесплотные руки на весу, вылил то, что держал в ладонях, на её незрячие глаза.

– Как приятно, – прошелестел её голос.

Он улыбнулся, отошёл к стене:

– Я опять приду, если ты не боишься.

– Нет, не боюсь.

«Темно, как темно! Он сказал, что прошёл через стену, а живёт там, где свет. Я тоже хочу! Вот чего я боюсь: жить в темноте. Опирается только на слух. Не видеть маму, не радоваться белым клавишам рояля. Никогда не знать, что за платье на мне надето. Пусть заберёт меня в свет! Даже если это – дух злобы, пусть отравит меня своими речами. Я не могу жить в темноте!»

– Марина, доченька, ты встала!

– Мама, откройте окна! Мне душно, темно...

– Что ты, голубушка, там мороз!

– Всё равно откройте, я не вынесу этого!

Плачут, плачут незрячие глаза, сердце стонет от горя. И никто не видит, как стоит в углу кто-то, облачённый в мерцающий хитон, и на его юном лице – тоже слёзы.

– Я здесь, я пришёл. Принёс тебе несколько капель света.

– Подойди, – шепчет она.

– Я стою близко.

Она вытягивает руку и осторожно ощупывает черты.

– Сколько тебе лет?

– Не помню, кажется, восемнадцать.

– А мне немного меньше...

– Значит, я совсем старик!

Оба смеются.

– Расскажи мне про то место...

– Обители Света.

– Да, обители Света. Там хорошо?

– Там – Свет. Люди светлы. Озера чисты. Когда ты плачешь, твои слёзы тоже чисты.

– Ты видел, как я плакала?!

Она отвернулась. А он, понимая, что с ним не желают говорить, просто вылил на её глаза несколько капель из своих искрящихся ладоней.

«Я опять одна, в темноте. Он не приходит, забыл меня. Конечно, зачем я тому, кто живет в обителях Света! Пусть он придёт! Приди, приди», – шепчет она и не замечает, что тот, кто пришел её навестить, давно стоит, улыбаясь и вслушиваясь в каждое слово.

– Мама, шторы раскрыты?

– Раскрыты.

– Сегодня солнце или снег?

Мать выглядывает в окно:

– Тучи, серо. Слегка пробивается солнце.

– Принеси мне лампу.

– Доченька...

– Принеси!

Мать уходит, и она встаёт. Она знает, где окна, а потому долго смотрит в ту сторону. И ей начинает казаться, что сквозь пелену незрячих глаз пробивается тонкий, едва различимый свет.

«Мои фантазии», – думает она. Но свет греет её сердце, ласково щекочет ресницы.

Он подошёл стремительно и резким движением брызнул прямо в её лицо горстью ослепительных искр.

– Ох! – вскрикнула она и едва не упала: – Мама!

Мать едва успела вбежать и подхватить её.

– Мама, – шептала Марина, – что, выглянуло солнце?

– Нет, девочка, тучи.

– Но тогда солнце – в моих глазах!!!

Он посмотрел, улыбнулся и направился к стене. Его ладони были пусты, а лицо, состоящее из света, искрилось тихим счастьем.

Час настоящей жизни

На горе, на самой её вершине, рос цветок. Был он красоты и нежности необычайной, стоял ровно, спокойно и ясно взирал на то, что происходит вокруг. Никто не знал, как называется цветок, но пролетавшие мимо ветра любили и опекали его.

Северный ветер, который гнал к морю суровые тучи, заботливо оттеснял их широкой рукой, не позволяя коснуть-

ся цветка. Ветер с юга дышал на красавца и согревал его пахучим теплом. Странствующий западный ветер, облетевший всю Землю тысячу раз, рассказывал ему забавные сказки. А молоденький восточный ветерок пел своему любимцу чудесные песни с характерным восточным мотивом.

Всех их любил цветок и каждого ждал с нетерпением, но полететь за ними не мог, хоть и стремился всей душой.

– Милый ветер! – шептал он другу-страннику. – Возьми меня с собой!

– Нельзя, ты погибнешь! Стоит тебе оторваться от земли, и корешки твои увянут. И часа не проживёшь!

– Друг мой с севера! – кричал он вдогонку северному ветру. – Пусть твои крылья вознесут меня до небес! Хочу увидеть звёзды!

– О нет! Это смерть для тебя. Знаю, тяжело стоять на месте, прикованным к земле, но и гибели твоей не хочу!

Боль и тоска разрывали сердце цветка. Тихий ветер с востока шепнул:

– Милый, ты растёшь на вершине горы. А другие цветы проводят всю жизнь в садах и долинах, не видя той красоты, которую видишь ты. Участь цветов грустна...

– Летать хочу! – прошептал цветок. – Летать, как летаете вы.

И он вытянул маленькие листочки-крылышки, будто стараясь взлететь.

– Изверги! – прошипела свирепая буря, проносясь сторо-

ной. – Дайте ему час полёта! Пусть час, но настоящей жизни!

Ветра изумились и собрались на совет.

– Может быть, буря права, и этот час будет стоять всей его жизни на этой горе, – молвил северный ветер.

А западный странник сказал:

– Если решитесь, я мог бы с немыслимой скоростью взмыть в небеса и облететь вместе с ним всю планету. Он узнает радость полёта, услышит дыхание вечных снегов, увидит моря, синеву океанов и дорогу птиц в облаках.

– Пожалуй, ты прав, – согласился южный ветер, – пусть час, но настоящей жизни!

И только ветер с востока молчал. Наверное, он думал о вечном...

Ветра повернулись к цветку. Тот плакал, счастливый, ведь он слышал весь разговор.

– Но ты понимаешь, что к концу этого часа твоя жизнь будет окончена? – спросили друзья.

– Я думаю не об этом, а о том, что увижу весь мир!

– Ну, не весь, а только частичку, но всё же чуточку больше, чем с этой горы.

Ветра прикоснулись к цветку и бережно, с величайшей осторожностью вынули его из земли. Корешки тут же поджались от холода и непривычного света.

– Летим! Время идёт!!!

Они летели все вместе: четыре прекрасных ветра и посе-

редине, прикрытый крылом, их маленький друг.

– Ты видишь леса? И поля? – кричали ветра.

– О да, я вижу! Но это же чудо! Земля так прекрасна!

– А это реки, озёра!

– Да, да!

Цветок задыхался от счастья. Он едва успевал поворачивать голову, а от бешеной гонки листочки пригнулись и трепетали.

Они пронеслись над материками, облетели вокруг высочайшей вершины Земли, покачались над синеглазым океаном и улыбнулись стае проплывающих китов. Всё казалось чудесным восторженному цветку! Но время таяло, и, обернувшись, ветра увидели, что малыш побледнел.

– Всё, всё, не могу, – прошептал, – опустите меня на землю.

Нежно, словно был невесом, цветок лёг в траву.

– Я спою тебе песню, – сказал ему ветер с востока. – Не думай о смерти, а будто хочешь уснуть.

– Да, засыпаю... счастливый, – тихо шептал цветок. – Я так много увидел! Как будто прожил длинную, длинную жизнь. Спасибо, друзья.

И уснул...

Ветра поднялись в небеса, покружили и с грустью расстались. Северный улетел к своим вечным холодным снегам, собирать суровые тучи. Западный странник – догонять уходящее солнце. Южный – к далёким морям, согреть их тёплой

рукою. Восточный остался: он то ли молился, то ли пел свою тихую песнь.

Демон

Высоко в горах, злобный, мрачный, молчаливый, жил Демон. Это было существо огромного роста, отдалённо напоминающее человека, с телом, покрытым шерстью, копной чёрных спутанных волос и широкими, мощными крыльями. Днём он прятался в пещере, а по ночам – летал. Демон не выносил солнечного света, но нежное мерцание звёзд успокаивало его мятущуюся душу. Пищей ему служили быки с равнины, которых он подхватывал когтями, словно страшный орёл, а затем бросал на скалы; пока животное билось в агонии, он сидел, разрывая сырое мясо, и наслаждался кровавой трапезой.

Иногда вечерами он пролетал над человеческими поселениями и следил краем глаза, как мерцают тёплые огоньки в окнах деревень...

Казалось бы, у такого существа не может быть друга. Но его любил ветер. По ночам, когда Демон поднимался в небо, ветер качал его на своих крыльях, а когда тот уставал и садился на скалу, шептал ему разные сказки.

Но ни ветер, ни сам Демон не подозревали, что вскоре настанет день, когда всё изменится...

Та зима выдалась очень холодной. Пещеру, в которой жил

Демон, занесло снегом, и ему пришлось перебраться ниже, в предгорье. Он нашёл звериное логово и, прогнав хозяйна, – молодого тигра, – поселился в нём сам. Жильё оказалось удобным, одно лишь мешало: в лесу иногда появлялись люди. То крестьянин, собирающий хворост, то охотники, а однажды он встретил женщину с девочкой: они разгребали снег и выкапывали съедобные корни. Демон злился, прятался и старался весь день не вылезать из логова.

Но однажды его разбудили голоса. «Что нужно здесь этим безволосым мышам? – негодовал он. – Сидели бы в своих норах!» Голоса становились всё ближе, и он вышел наружу, чтобы узнать, в чём дело. Демон парил над землёю и следил за тем, что происходит в лесу. Большая группа людей с кольями и двузубыми вилами преследовала знакомых ему женщину и девочку-подростка. «Колдуньи! Ведьмы!» – кричали крестьяне, и лица их при этом были страшнее лика самого Демона. «Как много ненависти в людях! – подумал он, усмехаясь. – В этом мы схожи...» И уселся на высокой скале, наблюдая.

Беглянки взбирались выше и выше. Лес кончился, и они оказались на открытом пространстве; камни и колья полетели в них. Мать вскрикнула, сделала несколько шагов и упала. Девочка растерялась, склонилась над ней, и Демон увидел, как несколько мужчин подняли вилы, чтобы вонзить в неё. Что-то случилось: он не успел понять почему, но внезапно взлетел и закружил над ними. Люди замерли, увидев огром-

ного орла, а признав в нём Демона, в ужасе закричали. Он же, сделав круг, подхватил девочку сильной рукой и в одну минуту исчез в небесах...

Он принес её в свою пещеру, засыпанную снегом, и, проделав вход, опустил в глубине. Она была бледна и упала. Он прошёлся, оглядел заледеневшие стены, нахмурился. «И что теперь? Пусть замерзает?» Зарычал... Тихо.

– Она не слышит тебя, – подсказал, улыбаясь, ветер, – она без сознания.

– Ты знаешь, что делать?

– Конечно! Разведи огонь!

– Огонь?! – в ужасе рыкнул Демон. – Вот ещё! Да и где я возьму его?

– Я принесу... Если хочешь.

Демон присел, накрылся крылом.

– Ладно, неси. А я соберу сучьев.

Когда девочка очнулась, в пещере жарко пылал костёр. Страшный орёл сидел у входа и старался не смотреть на блики огня. Она жалобно застонала, и он тут же обернулся. Его звериный облик напугал её, но в глазах... В глазах не было зверя: там виднелось что-то знакомое, человеческое.

Она забилась подальше и куталась в рваную накидку, пока он не встал и, зацепив когтем одну из шкур, каких много валялось в углу, хрипло сказал:

– Накройся, я не собираюсь всю ночь жечь костёр!

Она прикрылась и притихла. А ветер, глянув на друга, по-

чему-то опять улыбнулся...

Утром, слетав в деревню, ветер принёс известия.

– Эта девочка жила с матерью на краю посёлка. Бедность заставила их собирать коренья и травы в надежде прокормиться, а люди решили, что они – колдуньи. Потому и захотели убить. Мать мертва, а хижину сожгли...

Демон зарычал:

– Я не собираюсь возиться с ней! Пусть идёт, куда захочет!

– Она не пройдёт и полмили по этим горам! – возразил ветер. – Сорвётся в пропасть и погибнет!

– Я сам её сброшу!

– Конечно, – спокойно сказал ветер, – проще всего сбросить со скалы...

– Р-р-р!!!

– Если ты будешь рычать, я замолчу.

Тишина... Ветер подумал, сделал круг над его головой и спокойно продолжил:

– Людям для того, чтобы выжить, нужна не только еда, но и общение.

Демон отворачивался, но слушал.

– А также одежда: у неё нет такой шерсти, как у тебя.

– Где я возьму ей одежду?

– Она сумеет сшить сама, но дай ей шкуры!

– Пусть берёт там, в углу.

– Те вонючие, сгнившие шкуры, от запаха которых у меня

сжимаются крылья?

Демон привстал:

– Ладно, я принесу ей быка.

– Лучше – кого-то помягче. А потом отдели мясо, чтобы она могла выделать шкуру. И не забывай поддерживать огонь.

– А где **я** буду жить?

Друг улыбнулся:

– Пещера большая, поместитесь.

Он хотел улететь, но был остановлен вопросом:

– Сколько ей лет?

– Думаю, четырнадцать-пятнадцать.

– А выглядит, как...

– Потому что недоедала. Корми её лучше, и скоро она расцветёт.

Демон не мешкал: пока солнце не поднялось высоко и не стало слепить его своим светом, слетал вниз и, покружив над лесом, выследил тигра, в логове которого жил. Поймать его оказалось непросто, но в конце концов, зверь забился в мощных лапах, а когда Демон взмыл в небо, тот был уже мёртв.

Девочка, увидев эту огромную полуптицу-получеловека с тигром в руках, сжалась в углу пещеры и долго не выходила. Наконец, он отделил мясо от шкуры и, бросив на красные угли догорающего костра большое бревно, улетел.

– Выделай шкуру, и у тебя будет тёплая одежда, – шепнул ветер ласково над её головой.

Девочка не слышала голос, но решила, что эта мысль пришла ей самой, и, взяв острый камень, принялась за работу...

Чуть позже Демон вернулся; не глядя в сторону гостыи, прошёл в пещеру, завернулся в шкуры и уснул.

– Он не тронет тебя, не бойся, – опять шепнул ветер, – он не так зол, как кажется.

Долгим взглядом она посмотрела туда, где спало это странное существо, а потом, вздохнув, продолжала трудиться...

Проснувшись, Демон увидел кусочки жареного мяса, аккуратно уложенные на камне неподалеку от него. «Это что – мне? Вот ещё! Испортила мясо...» И, встав, начал отрывать сырые куски от окровавленной туши. Потом вышел наружу. Гостыя стояла перед пещерой, подставив лицо уходящему солнцу, и любовалась закатом. «И что она смотрит?» – с неудовольствием подумал хозяин и тоже обвёл взглядом горы. Снега, снега и снега. Острые пики вершин, мягкое свечение красок. «Ничего особенного», – сказал про себя и рыкнул.

...Наконец, она сшила одежду. Ей пришлось немало потрудиться: выточить из острой кости иглу, затем раскроить и соединить все куски. Ветер помог ей: сбросил рядом с пещерой несколько длинных и прочных стеблей, что принёс неизвестно откуда. Когда же она оделась и, робея, остановилась перед Демоном, – мол, посмотри, что получилось! – он нахмурился и долго рассматривал её наряд, а потом усмех-

нулся.

– Детёныш тигрицы! – и ткнул пальцем в плечо.

Она едва не упала, и он мгновенно протянул лапу, чтобы поддержать её. Поставил прямо, а затем, пренебрежительно скалясь, вышел наружу. «Тёплая, чистая, мягкая, – констатировал он, – отвратительно!»

Вернувшись, обнаружил, что в его углу навели порядок: шкуры лежали не грудой, а одна на другой, образуя уютное ложе. Он порычал, но ругаться не стал. Плюхнулся и, зарывшись глубже, уснул.

...Шла весна. На горах ещё лежали шапки снега, но ближе к равнине, на склонах, поднимались травы, пробуждались первые цветы. Девочка часто спускалась вниз, чтобы собрать незатейливый букет. «Спускайся, спускайся, – ворчал Демон, – пока тебя не убьёт какой-нибудь охотник». Но сам, невзирая на яркий свет, незаметно кружил в облаках и, если видел опасность, молнией пикировал вниз, подхватывал и крепко прижимал к себе.

– Опять ты бродишь по лесу! – ругал он её. – Что ты там забыла?

– Я собирала травы! А эти жёлтые цветы съедобны!

– Тебе что, еды не хватает?

– Мясо, которое приносишь ты, очень вкусное, – отвечала она, – но я – человек, и иногда мне хочется чего-то ещё.

– Чего-то ещё! – передразнивал он, отворачивая морду, а потом говорил: – Дай попробовать!

Они ладили. И чем дальше, тем меньше хотелось Демону рыкать. Хотелось говорить.

Ветер следил за всем с лёгкой улыбкой. А когда началось лето, принёс откуда-то издалека кусочек воздушного шёлка ей на платье. Девочка сняла полосатую шкуру и сшила новый наряд, в котором сразу стала похожа на эльфа. Демон долго хмурился, не понимая, почему ему нравится смотреть на неё, и улетал подальше в горы. Но скоро возвращался, скучая по её птичьему щебетанью. Он стал приносить подарки... То костяной гребешок, который нашёл на окне какой-то красотишки в деревне, то корзинку со свежим хлебом, а однажды принёс маленького ягнёнка, которого не убил по дороге, а живого поставил посреди пещеры. Восторгу подружки не было конца! Но она с такой любовью ухаживала за ягнёнком, что Демон рассердился и через три дня захотел свернуть ему шею.

– Что ты делаешь? – вскричала девочка, увидев, как он схватил малыша.

– Я не собираюсь разводить здесь хозяйство! – зарычал он. – У нас будет отличный ужин!

Но девочка без страха отняла ягнёнка, а потом, подняв руку, прижала ладонь к щеке Демона.

– Никто не заменит мне тебя, – сказала нежно.

– Что?! – удивился Демон.

– Ты – самый лучший!

Он выскочил, как ошпаренный, и долго кружил по пло-

щадке перед пещерой.

– Что, – спросил, улыбаясь, ветер, – она становится женщиной? И понимает тебя лучше, чем ты сам?

Демон тихо рыкнул...

Ближе к осени он весь полинял. Думал, что, как обычно, вскоре вновь обрастёт волосами, но почему-то шерсть не отросла. Он долго рассматривал оголённое тело и внезапно с ужасом понял, что меняется. Его лапы всё больше становились похожи на человеческие руки, торс стал тоньше, а ноги – стройнее.

– Что это? – спрашивал он у ветра. – Посмотри на меня! Я становлюсь человеком?!

– Не волнуйся, – успокаивал ветер, – до человека тебе далеко.

– Но ты можешь сказать, что со мной происходит?!

Ветер задумался:

– Пока не могу. Но если ты потерпишь неделю, я слетаю в восточные страны, полистаю древние книги, – и улечу.

А девочка собирала ягоды, сушила травы.

– Кустики, кустики, – сердился хозяин, заходя в пещеру и задевая пучки головой. – Во что ты превратила мой дом?

– Это и мой дом тоже! И не ворчи, пожалуйста, ты ещё не старый!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.